

29948

ЛАТЫШСКИЕ ПОЭТЫ

в переводах

ВИКТОРА ТРЕТЬЯКОВА

A/S. VALTERS UN RAPA

532140

← A
29948

DK
A

Латышские поэты

в переводах

Виктора Третьякова

A/S. Valters un Rapa, Rīgā

1940

K-1
B-1

Latišskije poeti
v perevodach
Viktora Tretjakova

Vija LRGA Latv. PSR
Valsts bibliotēka

~~67-31.391~~
0309037566 85

Grāmatrūpniecības kopdarbības
sabiedrība „TIPOGRAFS”
Rīgā, Merķeļa ielā 6.

Предисловие.

Вышедший в 1931 году первый том моих переводов из латышских поэтов содержит преимущественно лирику.

В этом же, втором томе, даны, главн. образом, эпические и лиро-эпические произведения.

Книга открывается переводом первых глав из обширного эпоса „Лачплесис“, повествующего о легендарном национальном латышском герое. Этот эпос занимает в латышской литературе такое же приблизительно место, как „Калевала“ в финской. Мы в нем находим сказания о богах, божествах, о быте латышского народа и его родине — на этом фоне развиваются героические деяния Лачплесиса, олицетворяющего могучую благотворную силу, устрояющую народное благо. Этот процесс олицетворения общ. всем эпосам: и „Калевале“, и русским былинам, и „Гайавате“ и скандинавским сагам.

Мифологические мотивы в более современном претворении мы найдем во вступлении к „Полевым работам“ Вирзы и в „Иванушке-барине“ Скальбе.

Исторические переживания латышского народа воплощены в ряде следующих поэм: в балладах Плудона и в „Разрушении Герсики“ — древний исторический период; в „Герцоге Якове“

Вирзы — позднейший; в поэмах из жизни латышских стрелков А. Чака — новейший.

Задачей этого сборника было: не только дать понятие о латышском эпосе, но и дополнить первый сборник, поместив в нем некоторых новых поэтов и тех из старшего поколения, кто не был достаточно представлен в первой книге. Этим объясняется включение сюда лирических вещей.

Ввиду того, что переводчик всегда более связан, чем составитель антологии на родном языке, ибо не все поддается переводу, а иногда даже хорошо переданное на чужом языке может оказаться чуждым иностранному читателю — то, конечно, выбор переводчика до некоторой степени затруднен.

И в этом выпуске не преследовалась цель представить полно всех заслуживающих внимания поэтов, что было бы для переводной антологии задачей непосильной, а только показать наиболее характерное, чтобы читатель мог судить о главных приемах, настроениях и мыслях латышской поэзии.

В конце книги помещены объяснительные примечания, на которые указывают цифры в тексте.

В. Т.

Андрей Пумпур

Две песни из эпоса

„Лачплесис“

Андрей Пумпур — автор эпоса „Лачплесис“ — род. в 1841 г., ум. в 1902 г. Местность, где он родился, полна народных сказаний: они оказали сильное влияние на него и способствовали созданию поэмы „Лачплесис“. В этой поэме символически изображается борьба героя Лачплесиса с Черным рыцарем, олицетворяющим германизм. Время написания этой поэмы было эпохой латышского национального романтизма, но, когда в конце восьмидесятых годов прошлого века „Лачплесис“ вышел в свет — настроения уже были другие — и произведение А. Пумпура не встретило того отклика, на какой он рассчитывал. Пумпур считается первым национальным латышским поэтом. Он писал и в прозе, но прославился больше всего лирикой и эпосом. Он — участник русско-турецкой войны. Кончил одесское военное училище и служил офицером в русской армии.

Для правильного чтения эпоса „Лачплесис“ нужно помнить, что латышские слова имеют ударение на первом слоге (Перкув, Лиго, Аустра и т. д.) и что размер песен довольно свободный: сочетание хорей, дактиля с частым неударяемым слогом в начале стиха.

Первая песня.

Собрание богов.

В синем своде небесном,
В Перкуна¹ замке чудесном,
Там, где свет вековечный,
Где непрерывно веселье,
Балтики боги собрались
Выслушать главного бога,
Судеб решителя, жизни
Разнообразной строителя.

Перкуна кони гнедые
Ждали у замка, оседланы,
В седлах заря занималась,

Солнце сквозь повод всходило.
Потримпа² воз из снопов весь,
Спицы соломы златистой;
Желты как воск были кони,
Впряжены в эту телегу.

Пакола³ черные кони
Впряжены в сани из кости,
Полозья, подпоры из ребер,
Оглобли из бедер громадных.
Чешуйчаты Антримпа⁴ кони,
Воз тростниковый, зеленый;
Сиденье из раковин разных
Гибко и очень красиво

Лиго⁵ и Пушкайтис⁶ оба
В цветочной телеге сидели;

Кони, как ветер, крылаты,
В ворота из радуг ввезли их.

Божьи сыночки и Перкуна
Прибыли к замку верхами;
Седла у них золотые,
Поводы были алмазны.

Аустра,⁷ Лайма⁸ и Тикла⁹,
И дивные дочери солнца
В телеге из розовых блесток,
Яркие кони везли их;
Дивные дочери солнца
Вожжи держали златые;
Сыпалися на дорогу
Разнообразные блестки.

Вечный судеб родитель
Сидел на троне алмазом:
Перкун и Патримп направо,
Пакол и Антримп налево,
Дальше: Пушкайтис, Лиго,
И сыновья все божьи
Аустра, Лайма и Тикла
И дивные дочери солнца.

Малые боги тоже
Заняли место в собраньи,
Добрые духи свободно
Тоже сюда допускались.
Вечный судеб родитель
С трона, седой, приподнялся,
Темной речью поведал
Решенье свое собранью.

„Чудо когда-то случилось :
Дева Свет породила,
Сын бога явился могучий
В срок назначенный миру.
Учил он красиво, высоко,
Чтоб люди богов познавали,
Сами-ж с богами равнялись
Доблестью нравов высокой.

Злые противились духи,
Его утервили жестоко ;
Но власть полночная ада
Удержать его не сумела :
Вырвался он от смерти
И на небо перенесся.
Имя его вам известно :
В мире Христом он назван.

Доброе слово героя
Приняли мира народы;
Люди учение это
В злом уме извратили.
В Балтике — это известно —
Вера христианская будет,
Боги же могут решенье
Клонить по людскому желанью“.

Перкун встал и поведал:
„Определенью судьбины
Боги должны подчиниться,
Я же даю обещанье
Народ охранять латышский,
Доброе все разрешая.

Веры носители¹⁰ будут
Питать и другие надежды:

Балтику занять насильно,
Порабощая народ весь.
Этим стремленьям я буду
Противиться, и клянуся:
Как раздробляю я камни,
Дуб поражаю крепчайший,

Так я когда нибудь молнией
Всех поражу, кто посмеет
Народ дорогой мне, латышский,
Поработить чуждой властью! •
Летом же в пору цветенья
Дам живительный дождик,
Днем очищу я воздух,
Ночью огонь сотворю я;

Буду всегда я в природе
Близок к народу латышскому,

Перкуна голос да слышит,
Имя его не забудет!
Всем остальным я желаю
Примеру этому следовать,
Каждому на своем месте,
В определенной работе“

Патримп молвил, поднявшись:
„Балтия хлебом обильна,
Но золотые колосья
Я латышам предназначу;
Они лишь на нивах балтийских
Снимут обильную жатву,
Серпы же и плуги пришельцев
Сломаются, в пни ударяясь.

Антримп дальше промолвил:
„На море светлом Балтийском,

Где борются Севера ветры,
И много скрытых утесов,
Суда враждебных пришельцев
Топить буду в бурном море,
Пока Балтийское знамя
Не заполющет над морем.

Пакол затем промолвил:
„В пекле найдется пришельцам
Место, духи ж латышских героев
Над Балтией будут носиться,
В северном грозном сиянии
Борясь, испугают пришельцев,
Но появясь с того света,
Ободрят латышских героев“.

Когда же все остальные
Перкуну дали обеты,

Лиго последняя встала
И обратилась к собранью:
„К низшим богам отношусь я
Известным в латышском народе,
Но мне судьба указала
Любимой быть более прочих:

Песенный дух у народа
Вечно поддерживать буду,
Сердца увлекая высоко
Песней веселой и грустной.
Имя мое не исчезнет
В устах народа вовеки,
Старых богов он, быть может,
Смог позабыть бы скорее.

Перкун, Лайма и Тикла,
Божьи сыны, дочери Солнца,

Вас народ в звучных песнях
Будет славить во веки,
Каждое это имя
В песнях народ пробудит,
Чтоб в просветлённом духе
Бороться идти за свободу“

К концу приближалось собрание,
Расходиться готовились боги,
Стабурадзите¹¹ появилась
И попросила слова:
„Иду я теперь из дома,
Несу я богам известье
О том, что со мной случилось
У старых ворот, где омут.

Мглу разстилая, сидела
Я над скалой Стабурага;

Солнце купалось в туманах,
Близилось время петушье,
Вижу: летят высоко
Две ведьмы по воздуху быстро ;
Сидя на старых чурбанах,
Над Даугавой пролетали.

Кинули вдруг оне в омут
Одно из бревен дубовых ;
И на другом усевшись,
Быстро прочь улетели.
Взглянуть мне хотелось, разведать
Причину такого поступка :
В омут я опустилась,
Чтоб вытащить бревнышко это.

Но удивилась я, видя
Внутри чурбана кривого

Юношу статного вида —
Лежал он в безпамятстве, бедный;
Взяла я его из чурбана,
Принесла его в замо́к хрустальный,
Надела сухую одежду
И на кровать положила.

Как только признаки жизни
Заметила в нем, поспешила
Сказать тебе, Перкун великий,
И получить приказанье.
Ибо известно, что камнем
Становится в омут упавший,
Из камней таких вырастает
Наш Стабураг больше и больше.

Юношу мне бы хотелось
Вести воротами замка:

Если-б Судьба настигла,
Камнем остался-б навеки.
Вот почему я хотела-б
Его у себя оставить:
В замке моем хрустальном
Он проживал бы счастливо“.

Услыша такое известье,
Строгая Тикла сказала:
„Кажется, Стабурадзе
Вечный любимый наскучил,
Плакать ей надоело,
Слезами скалу орошая, —
Сына желает людского:
Время текло бы приятней“.

Стабурадзе смутилась,
Тиклы услыша упреки.

„Юношу, строгая Тикла,
Не потому я жалею.
Тут причина другая,
Чем бывает обычно:
Благословенный богами,
Борется с темными силами“.

Лайма сказала при этом:
„Судьбу его знать надлежит мне,
Увижу лучше сама я,
Что делать, с юношей этим“. —
„Тише“ — приказ мой богиням!“
Крикнул Перкун сурово, —
„Этот юноша статный
Для высшей мной цели назначен.

Ведьмы бросили в омут
Лачплеса¹³, Лелварда сына.

Стабурадзе! благое,
Его ты спасая, свершила.
Домой теперъ поспеши ты,
Его подкрепи и заботься.
Потом проведи сквозь ворота,
Хотя-б он сделался камнем! —

Лайма! еще позаботься
Его провести чрез опасность,
Пока он свое назначенье
Не выполнит в жизни геройской!
Закончилось этим собранье,
И разошлись боги.

Вторая песня.

В древние годы, в крае Балтийском,
Там, где извилист Даугавы берег,
Там, где леса для пашен сжигают —
Жил безмятежно народ латышский.
На берегу, где кончается Кегумс¹⁴,
Там, где в Даугаву Румба впадает,
В скалах глубоко прорыв овраги, —
Замок стоял знаменитый Лелварда.

Это случилось порой прекрасной:
В долах родных весна улыбалась,
Чуткая тварь копошилась в природе,
Вдруг пробудившись от зимней спячки.

Юношей песни и дев смешались
С песнями птиц в прозрачном утре, —
Все ощущали прелесть жизни,
Воли, простора вешней порою.

А господин лелвардского замка
С сыном гулял в этот день прекрасный.
Лишь восемнадцатое лето
Переживал молодой наследник.
Старый учил познать молодого
Близость божественного в природе,
В силах таинственных, величавых,
В небе, в воде, в лесу и на поле.

В этой беседе они приходят
К близкой опушке, к дубам тенистым;
Старый садится, ибо устал он —
Зелень под дубом к отдыху манит.
Вдруг, из дубравы медведь показался,
Кинулся рьяно на старика он;
Не было времени сопротивляться,
Старый решил: это час последний.

Но молодой рванулся, как буря,
Зверя схватил он за челюсти крепко,
С силой большой разрывает медведя,
Будто какого-нибудь козлёнка.

Силу такую увидев у сына,
Старый к нему обращается с речью:
„Будешь ты избранным героем,
Как говорит о тебе предвещанье.

Ныне тому восемнадцать уже вѣсен —
К берегу Даугавы лодка пристала.
Старец достойный вышел из лодки,
Был у него на руках младенец;
К замку направился бодрым он шагом,
И передал судьбы мне решенье:
Мальчика принять, как сына родного,
Пусть вырастает, как мой наследник“.

Старец почтенный был Вайделотом¹⁵,
И рассказал он, как в чаще леса
Странного он нашел ребенка:
Вымя сосал он у медведихи¹⁶.
И, как сказал я, судили боги,
Что-бы вождем стать ему народным;
Будут страшиться его в грядущем
Поработители народа!

Запада мощные духи¹⁷ возстали,
Перкуна свергнуть желая — сказал он —
Прямо к востоку они стремятся,
Будут бороться, жить будут славно,
Но потеряют люди свободу;
Славные наши герои погибнут
В битвах жестоких с злыми врагами.

Вайделотом жил я у Кривы¹⁸,
В Ромовской¹⁹ роще священных дубов,
Много вестей и веселых и грустных
Нес и вождям я, нес и народу.
Ныне принес я тебе извещение
Всех тяжелее, властитель Лелварда!
Не приходилось столь же печальной
Вести доставить за долгую жизнь мне.

Но не горюй, земляк знаменитый:
Минут века, и народ проснется
И завоюет опять он свободу,
Прадедов славных помня деянья.

Мне положила судьба: не увидеть
Тяжкое иго родного народа,
Солнце заката зовет меня, видишь?
Балтики солнце заходит златое.

Это сказавши, он удалился;
В лодку он сел, и отдался течению.
С думой тревожной смотрел я от берега
Вслед уезжающему Вайделоту.
Кегума мощно шумели пороги,
В лодку кидая грозящие волны;
Вместе с лучами последними солнца
Лодка с гребцом погрузилась в пучину.

В вечность года потом уходили,
Свято судьбы исполнял я веленье.
Юношей статным вырос мальчишка,
Дар Вайделота. Ты — этот мальчик!
„Лачплесис“ — будет тебе нарицанье;
Пусть это имя останется в память,
Что ты отца спас в минуту напасти,
Первый свой подвиг здесь совершая

Дам тебе завтра коня боевого,
Будет оседлан великолепно,
Меч дам тяжелый, серебряны шпоры,
Щит и копьё и кунью дам шапку.
Так снаряженный, сберешься в дорогу
В Буртнека²⁰ замок наш знаменитый,
К давнему другу лет моих юных
И господину этого замка.

И передавши привет мой, поведай,
Что ты наследник Лелварда будешь
И что отец тебя посылает
К Буртнекам мудрым для обучения.
Буртнек тебя приветливо примет
И поведет тебя к замковым скрням;
Там то хранятся священные буквы,
Что о судьбе посылают нам вести.

Буквы священные скажут о нравах,
Скажут о былах в странах восточных,
И воспоют латышских героев,
Тайны божественной веры откроют.

Все эти вести, а также другие
За семилетний срок ты узнаешь,
Там ты увидишь, как войны ведутся,
Будешь участником в битвах с врагами.

А на другой день у замковой двери
Конь оседланный был на-готове.
Лачплесис тяжким мечом опоясан;
Щит и копье взяв в свои руки,
Кунью шапку надевши, стоял он
Перед отцом своим престарелым;
С ним он прощался, пускаясь в дорогу;
Кратко, сердечно прощание было.

„Лелвардов племя славно в народе“ —
Сыну отец так сказал, поучая —
„Много героев было среди предков,
Не оскверняет пятно ни одно их.
Лачплесис, сын мой, тебе предназначен
Жребий такой же честный судьбою;
Будешь стараться достичь назначенья —
Боги тебя охранят и помогут.

Мира обманы юность прельщают,
Юноши сами им предаются;
Не поступай же, как учат другие,
Но, как советуешь сам поступать им.
Правду узнать нелегко, но труднее
Правду сказать в этом суетном мире.
Кто одолеет трудности эти,

Тот и достигнет доблести высшей!
Так уважай же привычки народа,
Веру отцов охраняй постоянно!
К льстивым речам слух не клони ты,
Учат они против духа свободы;
Пользы ища для себя, они ищут
Жертв лишь, как будто богам угождая:
Но с ядовитыми травами Иодов²¹
К жертвам приблизясь, их убивают.

Не признает господами народ наш
Тех, кто владеть ими только стремится;
Он для войны избирает героев,
В мирное ж время судей — старейшин.

Только честности в трудной работе
Онъ выражает свое удивленье,
Чувствует их и потом воспевает
В звучных песнях своих, как героев“.

Лачплесис слушал отца молчаливо,
Чувствовал, как поученьем сердечным
Грудь наполнялась его молодая,
Силу почуяв стремления к делу.
Слушаться он обещался советов,
Обнял отца и пожал ему руку,
Сел он в седло и шапку приподнял,
И, потрясая щитом, поскакал он.

Айзкрауклис²² в замке сидел, погруженный
В думу, главу подпирая рукою.

Спидала, дочь его, тут же сидела,
Кольцами и ожерельем играя.
Дева красою сияла прелестной,
Карими дивно очами сияла.

Но не хватало ей только привета,
Что-бы сердца привлекать молодые:
Жгучие очи обманно сияли,
Было опасно смотреть в них, любуясь.
„Спидала“, начал отец, поднимая
Медленно голову в том же раздумьи,

„Часто спросить у тебя мне хотелось,
Кто тебе дал ожерелье и кольца,

Ими украсить себя ты так любишь?
Спидала вздрогнула, будто в испуге:
Этот вопрос для нея — неожидан.
Все таки быстро отцу отвечала:

„Старой кумы это все подарки,
В гости придя, она мне их дарит,
Много добра в сундуках она прячет“.
„Милая дочка“, ответил ей старец,
„Разве могу я тебе позволить
Часто дары принимать от старухи.

Ходит молва, что кума наша ведьма,
Будто-бы кормит она дракона²³,
Мясо давая ему человечье —
Он и приносит ей эти подарки.

Эти предметы полны чародейства,
Девушке честной носить их не должно“.

Спидала только в окошко смотрела,
Чтобы смущенья отец не заметил.
Будто-бы слов его не разслыша,
Так отцу своему сказала:
„Гость нас сегодня, отец, посещает —
Юный воин в’езжает в ворота“.

Замок же этот стоял одиноко,
И далеко был Даугавы берег,
Жили медведи в лесах глубоких,
Были ночами волки и совы.
Здесь пролегалли опасные тропы,
Путник лишь редко здесь появлялся.

Вот почему верхового увидеть
Спидале было почти в удивленье.
Воин же, статным конем управляя,
К замку подъехал. Хозяин к окошку,
Гостя желая увидеть, подходит.
Лачплесис шагом во двор в'езжает.

Перед окошком поклон отдает он,
Молвя, что едет в Буртнека замок,
И у соседа просит ночлега.
Айкрауклис гостю идет навстречу
И говорит, что он с радостью видит
В замке своем Лелварда сына.

Лачплесис спрыгнул с коня очень ловко,
Старца приветствует, руку давая.
Слугам коня передав. он уходит
Вместе с хозяином в сумрачный замок.
Спидала вышла обоим навстречу,
Холод по жилам проходит у гостя.

Он красоты подобной не видел,
Смело глядели Спидалы очи.
Дивное пламя в них загоралось;
Юноше руку подав, говорила:
„Милости просим, статный воитель,
Рада я видеть героя в грядущем!“

Ей благодарность сказал он смущенно,
Дева с улыбкой кругом повернулась,

Точно змея, проворно и тихо,
Снова в глаза ему поглядела;
Только теперь увидел он ясно
Стан ея стройный и пышность одежды.

Гибкость девушки, огненность взора
Юношу странно как-то смущали,
Но, наконец, старик приказал ей
Ужин хороший гостю готовить.
Девушка вышла, и стало легче
Смутной душе молодого пришельца

Он говорил за ужином много,
Спидале ловкой ответствуя речью,
Первые трудности были забыты;

Юноша, слушаясь голоса сердца,
Против сверкающих стрел защищался,
Пущенных взорами Спидалы дивной.

Ночь приближалась полна беспокойства,
Спидала трапезы стол покидает —
Нужно ложиться до полночи темной,
Будто бы так она привыкла.
Лачплесис тоже устал: очевидно,
Надобно ей отвести его в спальню.

Старому тихого сна пожелавши,
Спидале следуя, гость удалился;
Та отвела его в пышную спальню,
Что на другой стороне была замка.
„Лачплесис славный“ — сказала с улыбкой,
„Будешь ты спать здесь как в лоне богини“.

Лачплесис очень постели дивился :
Точно сугробы чистаго снега
Белые простыни, а одеяла
Краснаго цвета ярко горели.
Запах приятный по спальне носился,
Голову гостя кружа не приметно.

Спидала очень красивой казалась,
Чарой обманной она украшалась.
Лучшие чувства свои забывая,
Юноша руки простер, восторгаясь.
Черная тень за окном пролетела,
Спидала скрылась от юноши взора

Сонмы полуночных звезд мерцали,
И луна величаво сияла,
Бледным серебром осыпая долины.
Юноше душно казалось в спальне :

Он открывает окошко и смотрит,
Воздух легкий и чистый вдыхая.

И показалось ему, что тени
Снова в воздухе промелькнули.
Может быть иоды и ведьмы играют,
Ночью дела исполняя земные?
Спидала слишком скоро исчезла,
Он наблюдать за нею решил.

Утром хозяину так сказал он:
„Мне по душе твой замок старинный,
Мне бы хотелось дня на два остаться
В доме любезного соседа“.
Айзкрауклис гостю охотно позволил
В замке пожить, от пути отдыхая.

Спидала вечером так сказала:
„Комнату гость хорошо уже знает,
Может он лечь, когда захочет“ —
Ночи спокойной ему пожелала.
Лачплесис, то же сказав пожеланье,
В опочивальню скоро уходит.

Вышел во двор он потом осторожно,
Спрятался там в углу самом темном—
Двери отсюда ясно виднелись,
И наблюдать было удобно.
В полночь тихо дверь отворилась, —
Спидала вышла во двор неслышно.

В темное платье она одета,
А на ногах башмаки золотые,

Волосы вились по воздуху вольно,
Очи горели пламенем дивным,
Длинные брови чернели зловеще,
Жезл колдовской о руке держала.

И на кривое бревно у забора
Села она верхом и шептала
Речи свои колдовские, а после
Трижды бревно ударила палкой,
Поднялось быстро оно на воздух —
Ведьма, шипя, полетела и скрылась.

Лачплесис долго стоял у забора,
Глядя во след летящей напрасно.
С нею ему убежать бы хотелось,
Но у героя сил не хватало;
В комнату он возвратился, тоскуя.

По двору утром гуляя, увидел :
То же бревно и там же лежало.
И присмотревшись к нему, он заметил
В нем отверстие очень большое,⁵
Там человек бы мог поместиться.
Лачплесис быстро план составляет.

Вечером с Спидалой попрощавшись,
Лачплесис в спальню свою поспешает.
Кунью шапку берет, надевает ;
Вышел на двор, мечем опоясан ;
Быстро влезает в отверстие колоды,
Спидалы ждет он спокойно прихода.

В полночь снова она приходит,
В черное платье ведьмы одевшись.

Снова уселась она на колоду,
И, зашептав, ударила палкой —
Поднялась в воздух колода из дуба
И над лесами легко полетела.

Эд. Вирза.

Эдварт Вирза, настоящ. имя: Эд. Лиекнис, род. в 1883 г. — ум. в 1940 г. Его родина — Земгалия. Учился в Бауском городск. училище. Начал с декадентства. Первый сборник вышел в 1907 г. В нем, преимуществ., эротика. Постепенно содержание расширяется: появляются тема родины, народность, героизм. В сборнике стихов „Ясность“ („Skaidriba“), вышедш. в 1927 г., определяются ярко все творческие черты этого поэта. Лирика уступает место эпосу. Вирза пишет ряд поэм: „Герцог Яков“, „Король Намейтис“, „Полевые работы“... Поэма в прозе „Страумени“ изображает годовой круг жизни латышского хутора. На Вирзе заметно влияние французских поэтов, которых он много переводил, и Пушкина, котор. он очень любил. Вирза — поклонник строгих старых форм, которыми он прекрасно владел, силы и ясности выражения. Стих его патетичен, звучен и мужествен.

Герцог Яков.

поэма.

I.

С тех пор, как Яков²⁴ стал над Курземе²⁵ главой,
Над нею небо шлет щедрей огонь дневной
И трижды каждый год роятся в ульях пчелы,
Не донимает зной, умерен дождь веселый.
Нет края на восток богаче—вот молва:
На реках всех гудят и мелют жернова,
И удовлетворят любое из желаний
Как пена кружева и редкостные ткани.
Куются в мастерских мечи, стволы мортир —
На них покоится державы верный мир.
Все планам герцога вокруг благоприятно:
На рейдах корабли качаются так статно,

Сработаны они из рундальских²⁶ дубов,
На них до западных далеких берегов,
Сквозь плески хищных волн и пены шум домчится
И крепкое сукно и щедрая пшеница.

*

Как в праздник, в Курземе украшен каждый дом,
Когда суда придут в обилии таком,
Что мачты, точно бор, смолой благоухают,
Вернувшись от морей, где Табаго²⁷ сверкает.
„Пускайтесь по волнам до самых дальних стран“ —
Любил он говорить, и на своих крестьян
Он также взор бросал, приветлив и приятен:
Был, дым от черных риг ему всегда понятен.

Лишь истая любовь родит в сердцах ответ:
„Дай, Боже, герцогу с семьею много лет! —
Живут пусть вечно здесь, блаженные олени“.
Так думали они среди своих молений.
При нем не страшен был враждующий барон;
И ликовал народ, надеялся, что он
Откроет, наконец, все ворота свободы;
Веселый говор шел про будущие годы.
Он музам отдавал елгавские ²⁸ дома,
И скрипка с флейтою для отдыха ума
Из дальней Франции сюда же забредали:
Был слышен менуэт и звуки пасторали.
Сам герцог радостно блистает по балам —
Стрелок веселый серн и кабанов и... дам.

*

Он хочет отменить старинные законы,
И чувствуют уже чванливые бароны,
Что склонен господин их уничтожить власть;
Глядят вокруг, ища под чью им руку пасть.
Им польский мил король, и зреет их желанье
Предать курземский край в чужое обладанье.
Наружно смирные, но втайне на пирах
За счастье короля глядят на дно в ковшах.
Но герцог ничего не чувствует, не знает,
Работы вечный шум, любовь его пленяют:
То в Ецаву спешит, где пушечный завод,
То в Эмбург, то возок сквозь Земгале²⁰ везет.

На Венстпилс³⁰, вдруг, его, где паруса всплывают
Вдали, хотя борты пучина закрывает.
Работой занят он, зовет его любовь;
То ласки стройных дам ему волнуют кровь,
То крепкий поцелуй крестьянок, полный зноя —
Глаза их Лелупе³¹ мерцают синевою.
Но в сердце герцога любовный краток век,
Как—летней тучки, что дрожит над гладью рек.
Но, Ваша Светлость, гнев узнаете сполна Вы:
Придет предательство—опасность для державы.

II.

На вечер в опере вся собралась знать
В мерцаньи ярком свеч из тёмных лож блистать.
Здесь в тихой музыке костюмов роскошь тонет,
Как перлы в кушаке небесном Ориона.
Здесь все проникнуто сияньем стройных воль ³²,
Которым дал простор их солнечный король ³³.
Здесь музыки Люли ³⁴ по залу льются звуки,
Воркуют нежно так, смягчая скорбь и муки;
Открыты им пути ко всем людским сердцам,
Их ценит высоко король французский сам.

И менуэт поет, и звуки тихо тают,
Но герцог им совсем рассеянно внимает:
Гирлянды юных дам сильнее влекут его.
Но вот затрепетал он сразу, отчего?
В одной из дальних лож прелестное виденье —
Ея груди нежны и ярки округленья,
Как-бы розетки двух едва раскрытых роз;
Изящны кисть руки и золото волос:
Уста—кораллов нить—родя желанья, блещут,
И ноздри тонкие, как лепестки, трепещут.
Такая статуя мерцает нам порой
Из ниши храма лишь прекрасной белизной;
Атласа красного поток и мягкий шелест
Не скроет форм ея дурманящую прелесть.

И Курземе-ли, впрямь, та самая страна,
Где эта, равная богиням, рождена? —
Так герцог сам себя, теряясь, вопрошает,
Как—будто надпись он неясную читает.
Но, вдруг, он понял все, он видит ясный знак:
Там Рекке с ней сидит—его сокрытый враг —
Помесья господин. Ея черты знакомы.
И вспомнил герцог день, когда в его хоромы
Привел раз девушку-красавицу барон
И Жанной звал ее. И герцог, вдруг, смущен:
Он любит дочь врага—подумать только строго!
Кто властен над стрелой, что выпущена Богом?

Звонком, меж тем, конец антракта возвещен,
И герцог в зал спешит. Ему со всех сторон
Поклон и реверанс. Но в нем—желанье зреет:
Увидеть пред собой красавицу скорее,
Разсеянно среди толпы он входит в зал.
На лицах преданность, но сколько тайных жал
Хранят их помыслы. Страшны, как маски, лица—
Маккиавелли им не мог-бы удивиться.
И сквозь толпу теперь красавица видна,
И он туда идет. Душа его пьяна.
Он видит, как сквозь сон, как под влияньем транса,
Улыбку ярких губ, учтивость реверанса.
„Хотел-бы при дворе я чаще видеть вас,
Советы ваши мне, барон, нужны не раз.“

Нехорошо такой цветок таить от света,
Что-б только вам дышал и цвел весну и лето.
Я приглашаю всех теперь господ и дам
В зеленый Рундале³⁵, воздать почёт полям:
На той неделе мы зверям отслужим мессу,
Там видеть-бы желал я также баронессу.

*

И он, слегка устав, теперь спешит домой
И чувствует в крови любви неожиданной зной.
Чей образ видит он средь стульев в темном зале,
Неотразимый он, как взмах смертельной стали;
Ах, овладеть-бы им, а там—что судит рок...
Как музыка Люли, звучит тот голосок,

И близость дивная в нем трепет вызывает.
На землю взрытую он в сумраке взирает.
Как лента тянется там начатый канал,
Здесь спит рабочий люд, где сон его застал;
На камнях улицы, еще нагретых зноем,
Раскинуты тела, об'яты покоем.
И вот, забыв любовь, взирает он на них,
И планы новые встают в мечтах ночных.
Спит Елгава давно в полуночных потемках,
Тоскливый коростель трещит в лугах так громко.

III.

Пускай столетия над Курземе пройдут,
Но уж такой кортеж не пронесется тут,
Не выедет а поля, блестящий, горделивый:
Здесь кони всех мастей, летя, взмётали гривы.
Конь белый герцога с уздою золотой
Гоним хозяином с такою быстротой,
Что будто с ездоком по воздуху летает.
Металл подков блестит, и сотни гончих лают.
Карет несется строй и всадников туда,
Где роши из дубов простерлась густота,
У тихой Рундале, над мощною дубравой
Ложится тишина лазури величавой.
Сегодня герцог сам у Жанны кавалер,
А всадница резва—изящества пример;
Ездою распушен ея златистый локон,
И дышит радостью грудь герцога широко.

Забыл, что Рекке—враг ему от давних дней,
Взирает на пейзаж веселый, что милей
Еще его душе, когда полей просторы
Внезапно отразят прекрасной Жанны взоры.

*

Открылась впереди дубравы тихой сень,
Листы не шелохнут. Вздывается плетень
Из множества ветвей—зеленая отрада.
В палатках меж дубов уже вся кавалькада,
И сердцем всех затей, конечно, герцог здесь.
Стаканов звона тут, улыбок женских смесь.
Вином развязан, смех свободно здесь несется
И в летнем воздухе далеко отдается.

У герцога в руке горит стакан вина,
„Да здравствует любовь!“ — он пьет его до дна.
Ему в ответ: „bravo“, но, вдруг, труба, запела,
И гончих адский вой взлетел остервенело,
Их больше никому теперь не удержать;
Рванулась лошадей неистовая рать:
Одни хвосты видны, так всадники стремятся,
Но, скачки шум глуша, загонщики ярятся.
И всюду слышится ветвей и шум и треск —
Охота началась, как молнии быстрой блеск,
И все сокрылось вдруг за лиственной завесой
Погоней быстрою встревоженного леса.

Вот мчится бешено испуганный олень,
И герцог гонится, и Жанна с ним как тень;
Летят стремительно их бешеные кони,
Зеленый вихрь ветвей свистит в огне погони.
Дыханья спутницы волна в лицо ему —
Да, с амазонкою такой не сладить никому!
Охоты жар бежит сквозь девственное тело,
Упругость грудей рвут сучки и колют смело.
Всё рядом с герцогом летит она стрелой.
Отчаяньем гоним олень сквозь лес густой,
Пока, запутавшись рогами в темной чаще,
Не станет на дыбы, усталый и дрожащий,

И звонко закричит, испуган и смятен;
Товарищей зовет сюда, быть может, он;
Они же, к вечеру, вдали от места драмы,
Желанье утолив прозрачными струями,
Прислушаются вдруг небрежною толпой,
Как замирает зов из глубины лесной.

*

И руки белые у Жанны в пятнах крови,
Охотница теперь нож держит наготове;
У зверя павшего рога берет она
И падает в траву, усталости полна.
Золотокудрая головка амазонки
В руках у герцога. Он стан ласкает тонкий
И поцелуем уст касается. Она,
Вдруг, просыпается, безвольна и томна.

И герцога глаза сверкают ей навстречу,
Теперь она ему уж не противоречит,
Молчит, лишь голову ему рукой обвив.
А ветер весть о том донес до зрелых нив,
И песнь потом сложил поэт про этот случай.
Но вот труба зовет. Проснулся лес дремучий.
Все было коротко, как истая любовь,
Вкруг места этого сомкнулись ветви вновь;
И леса мощного зеленые покровы
Таинственно молчат и вдаль глядят сурово.

IV.

Жжет герцога любовь, волнуя и маня;
Без златокудрой он не проведет и дня;
Фрейлиною она у герцогини хворой.
Ей каждый день цветы шлет кто-то. Клонит взоры
С улыбкой Жанна к ним: бутонам свежих роз,
Лицо купает в них. Того, кто их поднес,
Что-ж, любит ли она? Быть может, но мелькает
В ней хитрое, когда в объятых замирает
В укромной зале той, где все просторы стен,
Дар Солнце-Короля, украсил гобелен.

Но герцог ей не весь принадлежит, хоть страстью
Он полон к ней в часы иные. Вечной властью
Окован он забот и дум. Души покой
Не снизойдет к нему. Рабочею порой
На новый смотрит он канал в долинах мирных,
На Свете,³⁶ что течет среди полей пустынных,
Где лишь доступные для птиц ряды болот;
Там хочет он поля извлечь из мутных вод.
О гавани не раз мечтает он в столице,
Чтоб видеть там судов веселых вереницы —
Пусть в Елгаву плывут на легких парусах.
Земля — так хочет он — в крестьянских пусть
руках

Цветет, дабы мужик без песен невеселых
Пахал; чтоб не сжимал он кулаков тяжелых,
Злобясь в душе своей. Кто хочет другом быть
Своей державы, тот лишь должен ей елужить.
И герцог одинок в кругу своих придворных,
Он жаждет отдохнуть от них и мыслей черных
В об'ятях Жанны. Он рассказывает ей
О всех подробностях своих благих затей.
„Ах, друг, не думай ты о грубых мужиках,
Ведь счастье для тебя, смотри, в моих глазах.
Там даст тебе судьба лишь скорби и заботы,
Здесь ждет тебя покой, что заслужил давно ты.

Зачем нам уходить с наследственных полей?
Их предки обрели нам силою мечей,
И в ветры наших нив их просочилась слава,
Хранит ее трава, старинный парк, дубрава“
Но герцог ничего не говорит в ответ:
Велит так щебетать высокой даме свет.
Касается рукой ея он подбородка,
Целует плечи ей, и с этой лаской кроткой
Уходит прочь. Ему милее дум простор —
Его родит полей курземских кругозор.
„Как пни среди лугов все эти мне бароны! —
Мешают лишь жнецу. Но будем неуклонны!“
Он хочет в подданных иметь себе оплот,
На коем власть держав твердынею встает.

Идет он, сена дух приятный обоняет,
Что предвечерний ветер с заречья навевает.
Путь к мельнице ведет. Сидит старик седой
В ее дверях, весь бел: осыпан он мукой.
Знаком он герцогу. Встает, идет навстречу,
На мельницу ведет, где стук колёсный вечен ;
А герцогу так мил муки приятный дух,
Гром крупных жерновов не отягчает слух.
Однообразный шум разумен, схожий с пеньем.
Старик его ведет по разным отделеньям.

Он радостно глядит: пред ним муки холмы.
„Помол сей, государь, для вас готовим мы.
Сто тысяч пур еще. Хорошая пшеница“.
Под грохот жерновов мысль герцога стремится:
„Преображает так держава свой народ,
За хлеб духовный нас потомок вознесёт“.
Кружатся жернова, мука в мешки спадает,
Пыль белая вокруг по воздуху летает.

V.

Справляют отчего, вдруг, в Озолмуйже⁸⁷ пир?
Здесь рыцарства всего собрался тесный мир.
По дивным залам люстр сияют ярко свечи,
Мелькает много лиц, сверкают женщин плечи.
Поет, блестя, хрусталь—вместилище вина;
И всюду строгий взор, и речь едва слышна.
И как столетний дуб средь прочей молодежи,
Так Рекке здесь царит над всей роднею тоже;
Как камень, лик его суров, изборожден,
А в складках лег цинизм; хитер, неверен он.

Все планы герцога известны точно мне:
Он самодержцем быть желает в сей стране,
Нас сделать стрелами в своем мечтает луке,
С крестьянами смешать, связавши нашир уки.
Чтоб ни один свой план он провести не мог,
Возьмет пускай барон, чья доблесть нам залог,
Задачу на себя во время той охоты,
О коей рыцарство предпримет все заботы.
И герцог Яков там — баронских бед оплот —
Как рундальский олень от выстрела падет.

Усталость и вино вмешались в радость пира;
Об'яла ночь дворец, но все же нет в нем мира
Спит Жанна на шелках, по белокурой сны
Так неожиданно тревожны и страшны:
Под барабанный бой ее везут в телеге,
На казнь, и волосы, приученные к неге,
Стригут так грубо ей. Проснулася она
От в страха. В небесах, вся красная, луна.
И лишь, когда свой путь к земле Плеяды клонят,
В дремоте голову опять она уронит.

VI.

Болото Руны³⁸ зной об'ял. Лишь только печь,
Что обжигать горшки должна, так может жечь :
Огромный солнца глаз болото жалит жаром.
Стрекоз и ласточек здесь нет. В порыве шалом
Метнутся утки вдруг, но падают опять,
Безильные, в тростник, где тени благодать.
Поляну эту бор сосновый окружает,
Над нею синие пары. Все избегают
Идти по ней в такой невероятный зной,
Но два крестьянина здесь скошенной травой
Понагрузив возы, их правят до сарая ;
И сено в зев его скрипит, благоухая.

Неистойей жара. Становится грозней
Глухой и дальний гром с небесных батарей.
„Не видел никогда еще подобной тучи —
Как будто ввысь летит чертей отряд могучий.
Неважная теперь охота для господ.
И герцог приглашен. Ну что он там найдет?“

*

Так два крестьянина в ужасный час болтают,
А сена запах вокруг по воздуху летает.
И, зная не боясь, могучие дубы,
К светилу обратя морщинистые лбы,
Молчат, об'ятые непостижимой тайной.
И нет конца жаре в тиши необычайной.

„Дай сено, Ян, скорей. Но, что я вижу там?
Без шапки мчит во всю какой-то всадник к нам,
Он вязнет в тине, где нет кочек для опоры;
Другие вслед за ним, в коней вонзая шпоры.
Да это герцог наш! О, Боже, нападают
Они; смотри: мечи на воздухе сверкают.
На помочь, Ян, скорей!“ А там во весь размах
Удары герцог шлет. И звон мечей в ушах.
Брыкается, храпит, вздымает зелень тины
Конь белый герцога, а он чрез миг единый
Не мог-бы дать удар слабеющей рукой,
Но вилы двух крестьян спасли от смерти злой.

Один лихой барон пал, вилами пронзённый,
Другой за ним сейчас. А третий, уstraшенный
Концом таким, отбросив меч, возмездья ждёт.
Спасителям своим тут герцог руки жмет.
Работы и борьбы с них льётся пот. Нежданно,
Угрозам вняв, барон всех выдал, даже Жанну.
И вспомнил герцог день: олень рвет сеть ветвей—
О, как гналась она! И сразу стал бледней.

*

Гроза прошла. Скользят лишь редких туч остатки;
Уравновешен мир опять, воздушный, шаткий.
Лик беспредельности улыбочиво глядит
В болота тишину. То предвечерний вид.

Собралась к герцогу испуганная свита
И узнает она, какое зло раскрыто.
Веревки принесли изменников вязать:
Там Жанна, Рекке—всех приказано забрать.
Под стражей в Елгаву зелеными полями
Скакали все они кратчайшими путями.
За ними герцог сам спешит дорогой той,
И долго белый конь с уздечкой золотой
Блестит крестьянам двум, пока не исчезает.
Спешат они домой. Длиннее тень сарая;
Он греется один на солнце. Будет в нем
Зреть сена аромат еще сильней потом.

На омуты реки, поросшей тростниками,
Спустились утки вновь. Овечьими стадами
Обрывки туч плывут—позлащены слегка,
Пастися выгнаны желаньем Пастуха
Над дубом, что покой вокруг распростирает,
На воды и на луг широко тень бросает.

*

А над виновными палач вознес топор.
Но Жанна изгнана из сердца с этих пор.
А также из страны... Живет далеко где-то...
На имени ея лег приговор запрета.
И герцог в казни день внезапно ускакал
Из Елгавы долой. Куда? — Никто не знал.

Конь белый нес его голопом. Обаянье
Легло на Курземе осеняго сиянья.
Не веял ветерок. И, тих и одинок,
Он слышал стук цепов на гумнах близ дорог
И долго он смотрел как вертятся, сверкая,
Колёса у возов, везя овес в сараи.
Над головой летел пчелиный поздний рой,
И думал герцог: „Дни тепла ушли“. Покой
Сходил к нему в полях земгальских.

Безконечность

Покоя и полей напоминала вечность.

И мчался герцог так меж отдохавших нив,
А осень, золотом прощальным озарив
Коня и всадника, со всех сторон сияя,
И скрыла, наконец, — ширь млечно - золотая.

*

Века с тех пор ушли чредою лет и дней,
И что осталось от этих всех людей?
Их время унесло в своем слепом потоке;
Иная жизнь цветет, иные зреют соки.
И лишь один канал, что Елгаву сечет,
О добром герцоге нам быль передает;
Да хутор, что стоит у Рунского болота,
Средь шелестящих трав, нам тоже скажет что-то:

Хозяин свой сундук порой откроет там,
Свободы грамоту покажет он гостям,
Что герцог предку дал, заслуга же такая:
Он властелина спас, опасность забывая;
Пергамент пожелтел — седая старина!
На нем еще видны были письма,
И в очертаньях букв встают, как бы живые,
Минувшие года, волнения былие.

Вечером только, усталых ведя лошадей, он
вернется
По одиноким дорогам. Мне нравится также
хозяйка,
Что за работой домашней правит детьми и
прислугой,
Правит амбарами полными, хлебом с мычащей
скотиной.
Дома я здесь. Как и прежде, сижу под широким
каштаном,
Слушая шумы работ полевых, что в памяти
живы —
Море бессонное вечно гудит так в ракушке
тесной.
Старых хозяев опять вспоминаю, леса по-
рубивших,
Место давая для ржи, ячменя и желтой
пшеницы ;

Светлые избы воздвигли, кроет их осень
листвою.
Помню наследников, за стариками усердно
бегущих. —
Птицы на пашне за сеющим так поспешают
проворно.
Перед глазами проходят все времена, вдохновляя
Труд прославлять деревенский в течении
быстрого года
Древним размером, как римлянин делал
великий³⁹,
Речи вести заставляя богов, пастухов, земле-
дельцев.
Буду следить я, как зерна падают в рыхлую
землю,
Как, обращаясь в колосья, богатым дарят
урожаем;

Пчел прослежу я поющих, занятых мирной
работой —
Девам подобны, что мелят зерно жерновами
ручными;
Буду следить за горохом, бобами на грядках
протяжных,
Что-бы взошли хорошо и взбирались по
прутьям все выше.
Боги, что в риге небесной живете, идите
на помощь,
Запахом мирным дыша, от латышских полей
исходящим.
Бог на ко́нях могучих, чьи спины не ведают
пота,
Нивы у края дорог об'езжающий жарким июнем,
Перкон, гремящий в ээире, укрытый дубами
облак,

Молниями опояшися. Искрящийся Узинь⁴⁰,
ведешь ты
В гуде пчином, крепко держа золотистые
вожжи,
Девять солнцевых коней на неба отвесную гору;
Лайма, походкою легкой идешь ты, судьбу
назначая,
Ты невидимкой мерцаешь у колыбели младенца;
Мара⁴¹, по росным тропинкам ты выгоняешь зарею
Пестрых священных коров на речные луга,
выбиваешь
Желтое масло под ивой, на доли земгальские
глядя;
Мать⁴², над лесами владычица ты, над садами,
полями,

Мирными ветрами; ты сотрясешь на токах
старинных
Тонкие сита, когда через них зерно прове-
вают; —
Некогда благословляли работы вы в поле и дома,
Благословите мой труд, даровав красоты
соразмерность.

Гуляр.

Призывать живущих к жизни,
Мертвым навевать покой
По путям моей отчизны
Ходит странник неземной.

Небом лик его сияет . . .
Только он коснется струн,
Птицы в чашах затихают,
Люди внемлют — стар и юн.

Латвия в пору крушений боролась:
Дивным волнением движим гуляр;
В рокоте струнном звенел его голос,
Там, где вздымался сражений пожар.

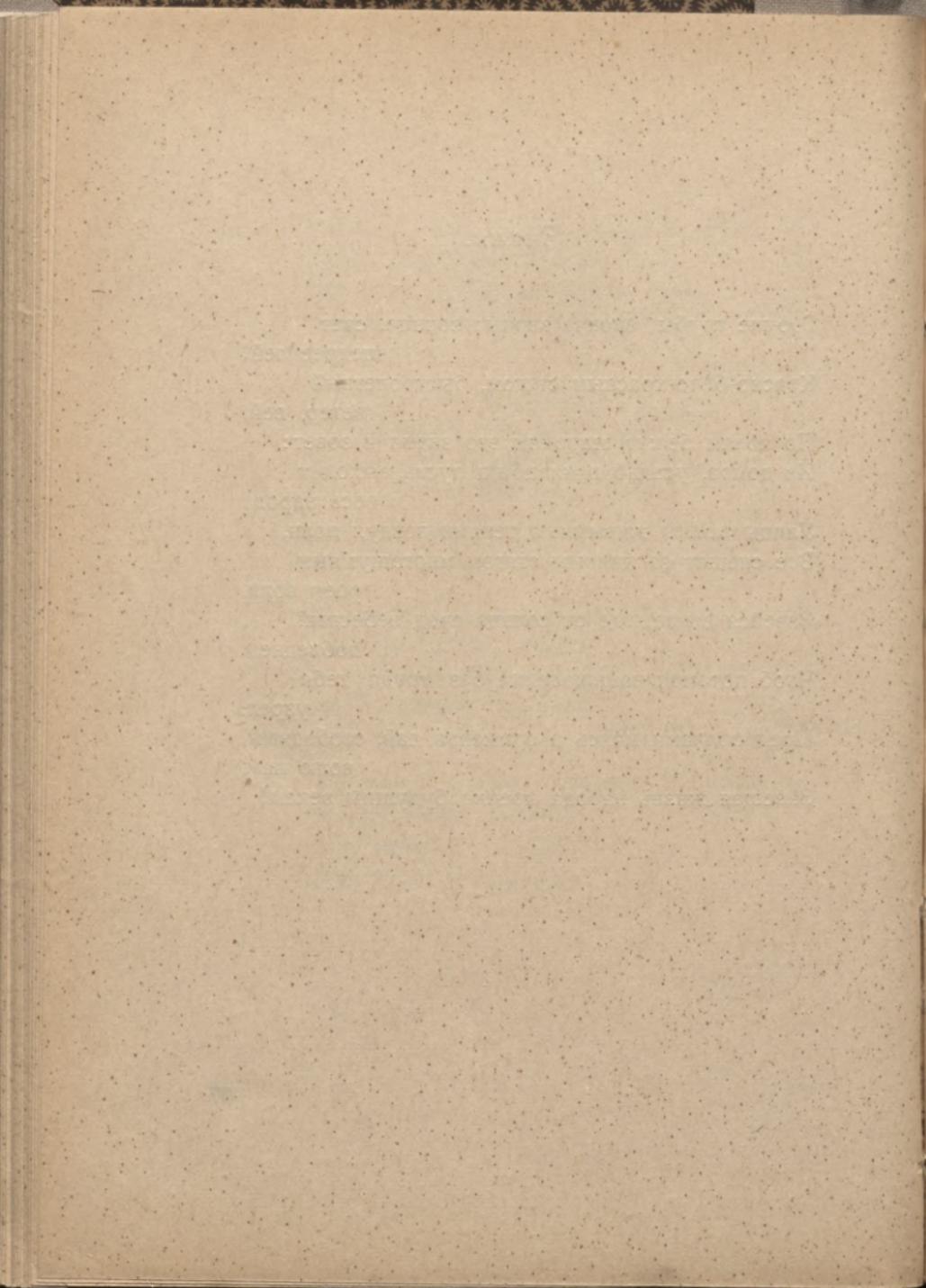
Годы так шли, пока поприще брани
Вдруг, обратилось в поле побед.
Пел он в суровом воинском стане
Подвигам славы звучный привет.

Чтоб позабыли о бранных заботах,
Не обращались мыслями вспять,
Он латышей за вседневной работой
Учит волшебные песни слагать

*

Призывать живущих к жизни,
Мертвым навевать покой,
По путям моей отчизны
Ходит странник неземной.

Люд спешит к нему, хмелея ;
Настежь двери и сердца!
Брань мечей конец имеет,
Битве песен нет конца.

В. Плудон.

Плудон — наст. имя Вилис Леенъек — род. в 1874 г. — ум. в 1939 г. Его родина около Бауска. Окончил учительск-семинарию в Кульдиге (Гольдинген). Много лет был учителем, в последнее время преподавал латышский язык и литературу в I-ой рижской городской гимназии.

Стих его музыкален, и очень гибок. Первый сборник „Аккорды“ в 1895 г. Популярны, кроме лирики, его баллады и патриотич. стихи. Плудон, как и Эд. Вирза, — лауреат „Премии Отечества“, присуждаемой за выдающиеся заслуги.

Вестур на пути к папскому легату

баллада.

На Ригу путь он держит свой
Сквозь лес, вечернею порой.
Жужжат жуки. Цветет весна.
Но дума Вестура⁴³ мрачна.
„О чем душа твоя скорбит?“ —
Племянник Мадис говорит:
„Окончен с Орденом⁴⁴ раздор,
И мир желанный будет скор.
Исчезнут призраки войны,
Настанет отдых для страны.
Людей топтать не будет конь,
Не опустошит нив огонь.
Оратай примется пахать,
И наши девушки опять
Затянут „лиго“ у огней
И затанцуют веселей“.

— „Племянник! с немцем мир — позор,
Ведь рыцарь злобен и хитер,
И не заставить нам его
Держаться слова своего.
На страже будьте — ночь идет,
Над Земгале туман растет! . . .
У крестоносца чести нет:
Как лосю мирному вослед
Кидается коварно рысь,
Такую-ж немец держит мысль.
Он — молот, наковальня — мы:
Над Земгале угрозы тьмы! . . .“
Поникнул Вестур головой
И взор его блеснул слезой.
Молчит дружина: и она
Предчувствием угнетена.

Над Даугавой туман растёт
И ряд видений создаёт
И, вдруг, лавиной рухнул он
И окружил со всех сторон.
Густая тьма внушает страх,
Луна сокрылась в облаках;
И только слышен стук копыт,
Да филин издали кричит.
Земная стонет грудь — не в мочь
Ей ноша мглы. Колдует ночь.

„Лук оставь ты, Гайдинь, а пойдём-ка
Щуку словим с чешуей зеленой
И отцу обедать приготовим:
Как из Межотне домой вернется,
Радость будет для него большая“.

Оставляет хату старый Мадис
С милым внуком. Мглы осенней пальцы
Гладят холодной сыростью им щеки.
К левому плечу склонивши невод,
А в руке посудина для рыбы,
Медленно идет старик в долину.
Гайдинь прыгает как жеребенок,
Весла длинные в руках он держит.

Холод утра Лелупе ласкает,
По лесам вдали заря пылает,
Мгла струится, будто пар кровавый.
Рыболовный скарб сложивши в лодку,
Веслами от суши оттолкнулись.
И ворчит встревоженная лодка,
Что ее так рано разбудили.

Звонко вскрикнула речная птица,
Испугавшись редкостного шума;
Над рекою быстро пролетела
И во мгле исчезла. Снова тихо.
Только всплески белых весел мерно
Тишину речную нарушают . . .

Нету счастья старому сегодня :
Он десятый раз бросает невод,
Но пустой он к берегу приходит,
Принося с собою только тину
Или бурые речные травы
Или черную и слизкую корягу,
Что приплыла от лесов верховья.
Гайду, страшная ея суками,
Кажется большим жуком с рогами.

„Нет нам счастья, Гайдинь, нет нам счастья!“ —
Молвит старый и скребет за ухом.
„В воду ль наше счастье погрузилось,
Мать ли водяная разсердилась,
Мало ль приношений получила?“

На гору небес уже поднявшись,
Смотрит солнце на реки долину.
Жалуясь, старик сердито сплюнул,
Невод свой с конца в конец обшарив :
„Недруги мне дело погубили,
Колдуны меня обворожили!“
И ногой сердито сеть отбросив,
Он, усталый, на землю садится
И угрюмо смотрит на пучину.
Вдруг, шаги он слышит за плечами.
Обернувшись, видит незнакомца :
Плащ на нем весь черный и широкий,
На груди же розан цвета крови.
Обращается чужак с словами :

„Как дела, друг? И улов хорош ли?“
„Да какой там—и сказать то стыдно:
Прячет мать речная свой народец —
Хоть-бы рыбью чешую увидеть...“
Улыбается чужак. И тенью
Солнце кроется. Дыша протяжно,
Вдруг холодные подули ветры,
Принося с собою запах тленья.

„Ну, закинь, дружище, мне на счастье:
У меня всегда улов богатый...“
„Сам откуда ты?—спросить осмелюсь“.
„С гор песчаных“. „А идешь откуда?“
„Там, с верховьев... И несу я вести“.

„Может, с Межотне? Скажи, какие?“
„Что-ж, хорошие. Увидишь сына...“
Так сказав, ушел чужак, и тенью
Затерялся за пригорком дальним.

Долго провожал его глазами
Старый Мадис, недоумевая.
Наконец, как-будто бы проснувшись,
По лицу рукой себе проводит.
И опять кладет он невод в лодку,
Что-б закинуть на чужое счастье
Напоследок. Весла, как и прежде,
Мерно плещут, и несется лодка,
Светлый след на глади оставляя.
Берегитесь, золотые щуки,
Берегитесь, шустрые миноги,
Уходи, плотва печальноока! —
Шарит сеть лукавыми руками.

Ловлей увлеченные, не чувят
Рыбаки, что сумерки нисходят,
Что заря кроваво смотрит в воды.
И летит на отдых через реку
Воронье, и по лесам далеко
Раздаются волчьи переклички.
Лишь когда над самой головою
Крик совы слышался дразнящий,
Задрожал мальчишка, старый сплюнул,
Ипуская тихое проклятье.

Резко лодка к берегу пристала.
Сходят быстро рыбаки на сушу.
Крылья невода схвативши крепко,
Каждый тянет из воды поспешно,
Сеть закручивая туже, туже.
Медленно из вод она выходит
С дорогою и тяжелой ношей.

„На устах чужого было счастье!“ —
Молвит старый, в нетерпеньи глядя,
Что-бы хвост от сети показался.
Радуясь, собрав все силы, тащит
И вытаскивает тело сына.

К. Скальбе.

Карл Скальбе род. в 1879 г. в старонепалгской волости. Сын кузнеца. Посещал деревенскую школу, сдал экзамены на учителя. Много работал как писатель и журналист.

К. Скальбе один из самых своеобразных и национальных латышских лириков. Искренность, сердечность, мелодичность — характерные черты его поэзии. Первая книга вышла в 1903 г. Его лиро-эпические стихи вошли в сборник: „Волны Даугавы“ (1918 г.).

Очень популярны его сказки — в них есть народность и своеобразная фантазия.

Иванушка — барин.

Сработано, собрано, сделан запас —
Иванушка—барин,⁴⁸ приходит,
И вот все мотаюг и пьют, веселясь.
Он много собратий находит.

Приносят ему дорогие дары:
Дуб дарит волнистые листья,
Татарская зелень для шумной игры⁴⁹ —
Зеленые длинные кисти.

Приходит поздравить донник⁵⁰ с лугов,
Похожий на пену от пива,
Он сердце лишает гнетущих оков,
„Люби“ — говорит он: „красиво!“

Найдется ли сердце, забыто судьбой,
Иль цвет, чуть заметный в долине,
Кому-б был неведом Иван дорогой:
Никого он без ласки не кинет.

На лошадке Иванушка едет гнедой
Колосистого поля у края,
Каждый цветочек кивнет головой,
Ковш пива подносит хозяин.

Приходит ли в жаркие избы Иван,
Где пахнет во всю пирогами,
То каждый тогда ликованием пьян,
И песни рождаются сами.

Иванушка, пьяный, танцует, поет ;
Надышавшись цветами, слабеет ..
Уведите, девицы, его, — пусть уснёт —
В покойное место скорее.

Постелите ему вы ивановых трав —
Так пахнут они, увядая!
Он ляжет покорно, от танца устав,
К вам сердцем простым принимая.

Пусть не знает ваш гость, где он пил, где он пел,
Где кипел молодым ликовањем,
Кого, охмелев, обнимал; с кем сидел
На ночном задушевном собраньи.

Когда, отдохнувши, плясать вас ведет,
Идите без лишнего слова;
Пусть он танцует, пускай он поет,
С собой увлекая вас снова.

Вам, парни, плясать, веселиться пора —
Эта ночка да будет вся ваша!
Забудьте труды и печаль до утра —
Светлеет небесная чаша . . .

Когда среди ликующих солнце взойдет,
Венок на нем — клевер пунцовый,
Карета Иванушку ждет у ворот,
Стучат, в нетерпенье, подковы.

Под песен раскаты назад его мчат
Веселые бурные кони,
Венки на плечах, увядая, лежат,
Он сонную голову клонит

Как увядший цветок он уронит с волос,
Вы, девицы, его подберите.
Блеснули над взгорьем спицы колес,
В честь гостя вы тост возгласите!

Сработано, собрано, сделан запас,
Иванушка барин приходит,
И вот все мотают и пьют, веселясь;
Он много собратий находит.

Невысказанные слова.

Даугавы зыби, лодку качайте,
Кокнесе⁵¹ берег мимо проходит,
Где я когда-то светлым летом
Юный призыв свой бросил в воздух.
Ах, там и скалы уши имели —
Был человека им голос понятен!
Отзвук утесов, листьев трепет
Звонче раздались, чем стуки сердца.
Песня от берега к берегу мчалась
Там, над шумящими волн рядами.
Чуткой была ты, земля родная!
Слушали скалы, слушали боры.

Ты сохранил те слова, орешник,
Что не успел я сказать любимой,
Рядом мы с ней подымались по кручам,
Листья с орешника там обрывал я
И прижимал их к устам молчаливо.
Так и остались на солнечных листьях
Все те слова, что из самых красивых;
Громко сказать их уста не посмели.
Миг затерялся в шагах неверных.
Ты поскользнулась на гладком утесе,
И точно хмель в ожиданьи опоры,
Тихо плеча моего коснулась.
Милая, слышать слова ль те желаешь,
Ветер спроси, что унёс эти листья,
Ветер спроси, что унес мою юность,
Волны спроси, что уносят деревья,
Роят побережья, вскрывают могилы,
Вечно уносят и землю и камни.

Волны затихли в болотах и лужах,
Так моя молодость отбушевала.
Да, когда юность из рук улетает,
Сказочной яркой птице подобно
Взмахом крылатым поднимется в воздух —
Как ты ее удержать бы хотела!
Время умчалось, птица умчалась,
Куст одинокий качается только.
Только перо золотое держу я —
Все, что осталось от крыльев чудесных.
Лишь на лице удивленном мерцают
Легкие зори воспоминаний,
Ты собираешь и сохраняешь
То, что тебе даровало отрады;

Сказочной птицы перо золотое
В памяти книгу ты тихо влагаешь.
Как ты увядшие прячешь растенья,
Запаха ищешь цветов омертвелых;
В урны любовно собираешь ты пепел
Воспоминаний душе любезных.
Может быть, ты узнать бы хотела
Все те слова, что не сказаны были,
Те, что в тот день осиянного лета
Запечатлелись на солнечных листьях?
Где же тот мёд, дорогая, что солнце,
В липовом цвете копил усердно?
Бабочки пьют его, пчёлы уносят,
Осенью сухи становятся листья.

Раз я пошел поискать те словечки,
В плащ завернувшись осенних ветров,
В ветках, дождем поврежденных и градом,
Светлаго лета искал я жужжанья.
Только шумели суровые волны,
Лист осенний к устам прижимал я,
Не прозвучали опять те слова мне;
Холодом веял лист осенний,
Запахом тленья земля дышала.
Хочешь узнать от меня ты слова те —
Наши уста оковала влюбленность.
И когда с берега вниз мы сходили,
Только волны пред нами блестели.
Тихо рука в руке трепетала,
Даугавы волны лишь говорили.

Весною.

Олень у речки пьет вечернею порой
И в даль глядит над гущею лесною,
И крик его как из груди земной
Струится, влажный, с вешнею водою.
Звонит трубой сквозь ели этот зов —
Возьми, с собой мой дар весенних снов!

Лесной покой.

Синий вереск по тропинкам,
Да березы—девы леса—
Ливень веток льют печально,
Как распущенные косы.

Тихий лес как дно морское . . .
Лишь в вершинах ветер веет.
У корней же старых сосен
Скромно мята зеленеет.

Память ищет здесь покоя,
Клонит голову на мяты . . .
А верху пускай бушуют
Бурь свирепые раскаты.

Тени.

Темных туч густые тени
На зеленый луг упали.
Нет цветов в траве, чья зелень
Так гладка, тиха, как воды.

Хочет луг мерцать цветами
На просторах, прямо к солнцу,
Но над ним качает небо
Устрашающие тени.

И душа, как луг, желает
Просиять цветами пышно,
Но, увы, в ея просторы
Только тени рока смотрят.

Полуночное сердце.

Молодой листвы дыханье.
Теплых сумерек молчанье.
В окнах, в небе нет огней.

Тишина и даль без края . . .
Лишь трепещет, не смолкая,
Сердце ночи—соловей.

Я. Акуратер.

Ян Акуратер род. в 1876 г. — ум. в 1938 г. Родина его — Земгалия. Он — сын лесного сторожа. Учительствовал в народных школах. Некоторое время посещал университет в Москве.

Первый сборник: „Звездная ночь“ вышел в 1905 — стихи гражданского протеста и революционные: Потом — ряд книг лирики и баллад. В стихах Акуратера есть пафос, чувство надежды и, порой, элегичность. Многие из них написаны в народном духе.

Лучше всего он выразил себя в романах и рассказах, из которых некоторые очень популярны.

Народный певец Манулис.

Молвит хозяйка, глядя в окошко:
„Вот ведут Манула, нищаго волости.
Ну-ка, девушки, в дом пригласим его,
Песен и сказок вдоволь послушаем.

Манулис старенький и полуумный,
Нищий волости. С палочкой ходит.
В сером халате, в кожаных лаптях.
Волосы, точно лен, побелели.
Входит и всем говорит: „Бог на помощь“;
Всем: хозяйке, служанкам и деду.
„Где же мой угол, где мое ложе?
В вашем доме пробуду неделю“.

Легкий, как белого клевера цветок,
В комнату входит, садится на лавку,
Произнесет непристойную дайну
Сам усмехнется, и больше—ни слова.

Знает ли кто-нибудь, где он родился,
Где его мать, где отец, все родные?
Люди прозвали его попрошайкой,
Богом забытым, бедным безродным.
Ясны, однако, у Мануля очи,
Чуткие уши, пытливые взоры.
Он, на чужих хуторах проживая,
Многое видел из жизни народа.
Горе и радость и дни без надежды —
Спутники были его постоянно.

Может быть, встретил он Бога в дороге,
Видел отверстым высокое небо:
С кем-то нездешним ведет он беседы
И напевает унылые песни.
Он не читает священные книги,
Ибо ему письма незнакомы.
Судьбы народа однако он знает,
Знает сказанья о силах нездешних.
С гуслиями старыми схож он баяна:
Ветхи, разбиты, но клад музыкальный,
Вдруг, раскрывают, когда прикоснутся
К ним умудренные хитрые пальцы.

Гусли тогда запоют, заколдуют,
Душу на легких руках закачают.

Вечер приходит миротворящий,
Люди снимают пыльную обувь.
Ужин окончен, и с треском лучина,
Уголь крутя, освещает пространство.
Прялок семья начинает жужжанье.
Люди, уставши, легли на кровати.
Вежливо Манулю молвит хозяйка:
„Спой-ка нам песни, какие певал ты
В разных усадьбах, рассказывай сказы.
Песни твои, как пчелы, несметны“.

„Песенки, песенки были когда-то,
Все-то смеялись, как роща шумели,
Но угнетатели их заглушили“,
Молвит Манулис, тихо вздыхая.
Очи усталые он закрывает,
Сядет на край своей постели;
Старыми заговорит словами,
Ибо рассказы его стародавни.
Льются слова дрожащей струею,
Вздохом несутся, легкою песней;
Тихой молитвой речь его дышит.

О дочерях короля стих начнет он,
Сказку начнет о древних боярах —
Дивные были свиваются в связку,
Сыпятся, носятся яблони цветом,
Дождиком падают, солнцем сияют.
Всех он с собою далеко уводит.
Курная хата людьми забыта,
Видят венков они яркую стаю,
Вот на коне едет юный боярин,
Ищет сиротку, свою невесту.
Видят: принцесса, от иода спасаясь,
Уткой на озеро. вдруг, слетает.

Слышат на древнем пиру звон гусель,
Слышат призывы труб к героям,
Жалобы слышат печальных свирелей...
Манулис песни гибко выводит,
Дивный сказ говорит бесконечный.
Остановились прялки, и тихо
Стало в избе: все старцу внимают,
Ветра не слышны теперь завыванья,
Только льется Манула песня
Бисерной лентой. Откуда взял он
Песню, что за век сложить невозможно?
Боженька-ль наговорил ему в ухо
Сказ, на струю ключа похожий.

Полночь, а Манулис все напевает ;
Ясно видит, глаза смеживши,
Мир другой и народ шумящий,
С липою схожий пышно-цветущей.
Слушая сказки, слушая даины,
Дремлет семья, огни потухают ;
Манулис сказы еще заплетает,
Видя то, что не видят другие.
Кто запомнит все эти песни,
Кто расскажет длинные сказы !
Только певец один знать их может
И сохранять как озеро—волны.

*

Стар стал Манулис. Ноги слабеют,
В странствиях вечных. — Песен и сказов
Всюду посеял он дивное семя,
Но еще много осталось в запасе.

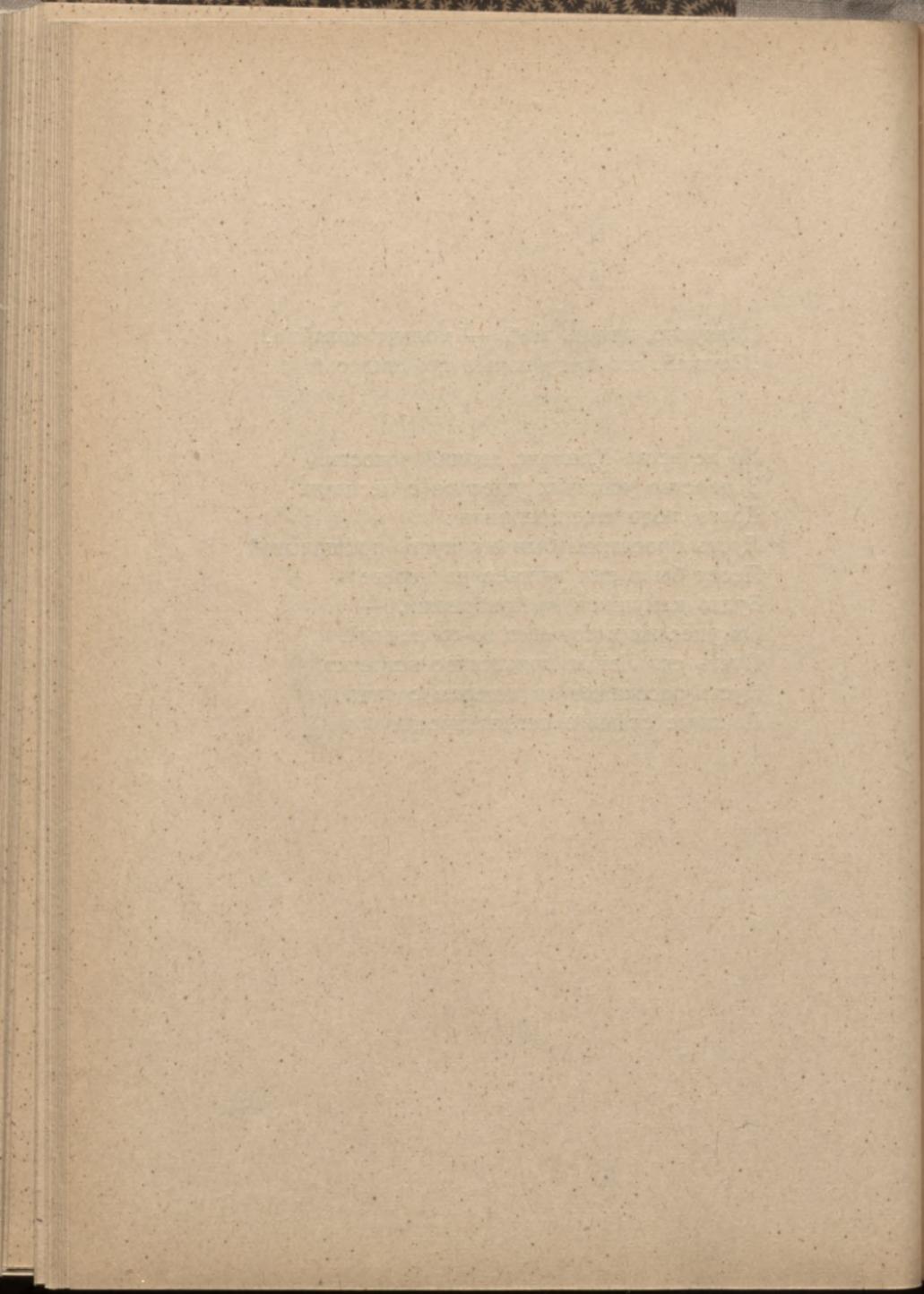
*

В тихую пору духов усопших
Манулис спел последнюю песню,
И, засыпая сказал: „Ну, довольно.
Пусть хранит боженька эти песни“.
Лег он спокойно на свою койку.
Завтра свезут его на другой хутор.
Так говорят ему парни и девки:
„Ну, спасибо за славные сказки!“

Старый хозяин утром проснувшись,
Сон рассказывать начинает;
Видел он очень странные вещи. —
Будто Манулис ночью уехал:
Пышная подкатила карета,
Черные кони, серебряны вожжи:
Манулис, словно король, уселся,
На голове венец преякий:
То возложили ему бояре.
Девы пели дивные песни,
Сотни гусяров на гусях играли,
Много народа их провожало.
Манулис скрылся за ближней горою
Белым облаком в ярком солнце...

„Манулис, встань же“, — молвит хозяйка,
„Слушай, что деду ночью приснилось“.

Но не встал Манулис, нищий волости.
В царство усопших ушел он с песнями.
Долго люди еще говорили :
Пусть простаком был он, пусть прощальгой,
Песен было как листьев на дереве,
Будто камушков на прибрежии. —
Он унес их в тот мир за-солнечный.
Пусть его Лайма приветливо встретит,
Пусть расскажет он дочерям солнца
Длинные сказы и песни народа.

К. Екабсон.

К. Екабсон род. в 1879 г. в Видземе; сын хуторянина. Окончил коммерческую школу.

Первый сборник стихов — в 1904 г. Сперва примкнул к декадентству, потом пошел собственным путем. Он, преимущественно, лирик. Стихи мелодичны и разнообразны по ритмам.

Ночь в руинах.

Спит хвойный лес в глухой долине,
Звучит совиный голос громко
Там за руиной; лунной синью
Блестит возвышенность в потемках.

А ветер по холмам струится,
Березы клонятся, мерцают,
И горных духов вереница
Зовёт к высоким храмам рая.

В горы.

Быстрее, быстрее
Там ветры веют,
Звезды как тигровы очи горят.

Орлам веселье —
Горы, ущелья;
Им водопады славу шумят.

В полях покой.

В полях покой глубокий,
Но мне покоя нет,
И грусти одинокой
На сердце тонкий след.

Улыбкой быстрой счастье
Мелькнуло предо мной,
Опять в груди ненастье
С уныньем и тоской.

Что сердце с солнцем знало,
Изведало едва,
То вечером увяло
Как в сенокос трава.

Все дороги.

Когда все цели и пути испытаны,
И в упоеньи ветрами надышишься,
Ну, что-ж тогда?

*

Когда молитвенно страницы дум прочитаны,
И чашами полыни горькой ты насытишься,
Ну, что-ж тогда?

*

Останется страстнее в тёрнах сердце,
И рос свежительных ему не бросит солнце,
Не бросит никогда.

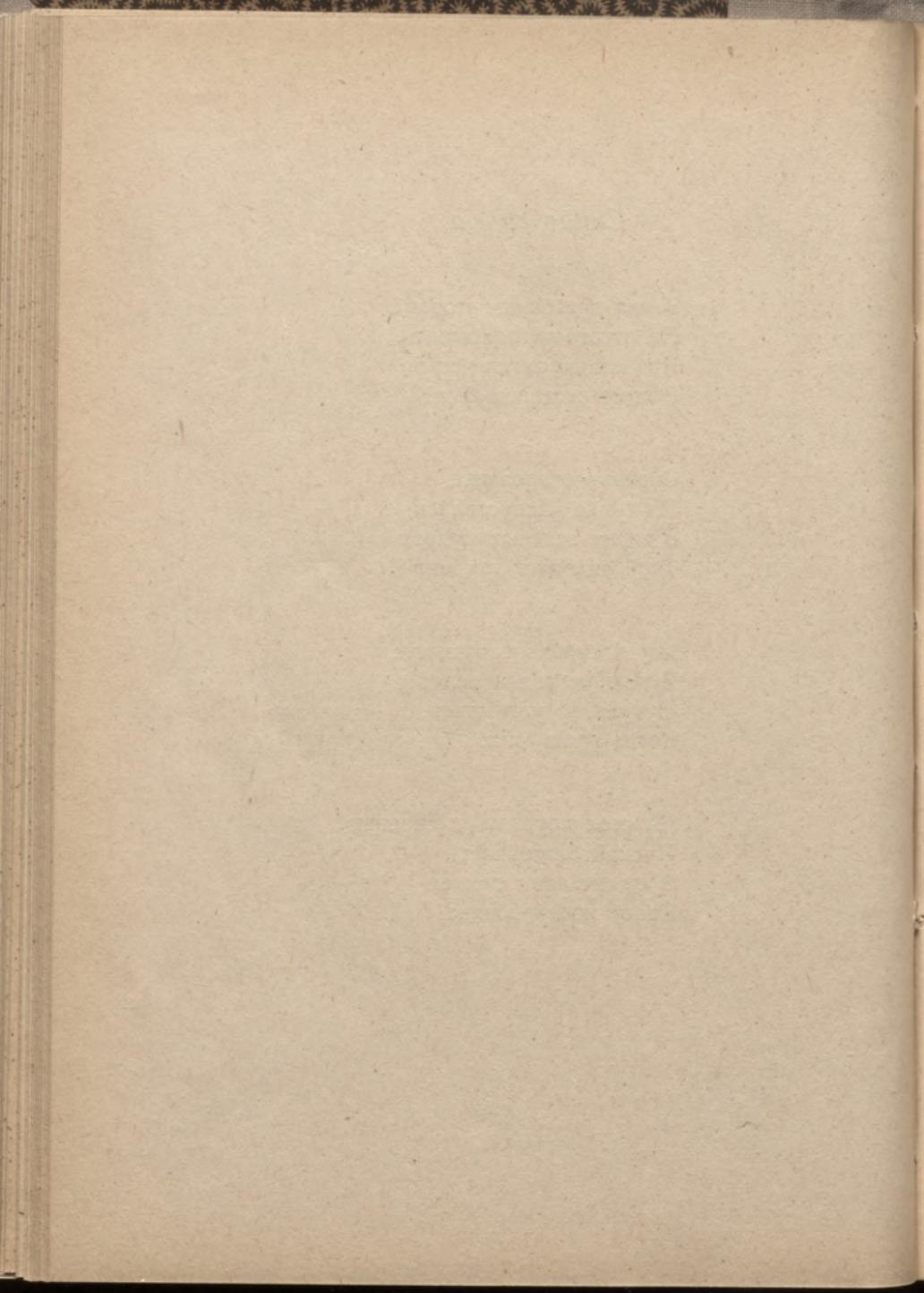
Синяя сирень.

Земля цветочным морем
Не оттого-ль покрылась,
Что ночью ангел ясный
В саду весеннем был?

Сирень—очарованье,
Ты снова распустилась,
В твоих зеленых кудрях
Твой синецвет так мил.

Когда сирень в разцвете,
В улыбке сад и поле;
Ну как не улыбаться,
Когда горит она!

На стол хрусталь с сиренюю,
Пускай благоухает!
В ея дыханьи свежем
Красу испей до дна!

К. Штрал.

К. Штрал род. в 1880 г. в Видземе; сын ремесленника. Сдал экзамен на учителя и долго преподавал. Участник Великой войны. Первый сборник стихов в 1910 г. В его стихах много динамического чувства. Ценится и его проза.

Как вечер тих...

Как вечер тих!
Земля в тени тускнеет,
Как сердце гаснет во скорбях своих.
Как вечер тих!

Недолог утра час!
Как день уходит скоро!
И солнца кубок, выпитый, погас.

Недолог утра час —
Ушел от нас как жизнь от взора.

На луг ложась,
Трепещут листья ярко!

И дня венки спадает, золотясь...
Как вечер тих!
В ущельях хладных и на взгор'ях жарких
Как вечер тих!

Хищная душа.

Подымись над домом,
О, душа, высоко,
Где лила ты слезы
В горести жестокой;

В высь, где незнакома
Эта боль земная,
В поисках добычи,
Как стрела взлетая.

Глянь на пламя солнца
Ястреба очами,
Песнь лучей послушай,
Рея над полями.

Ястребиным оком
Глянь в людские лица,
Тень от вечной муки
Все на них ложится.

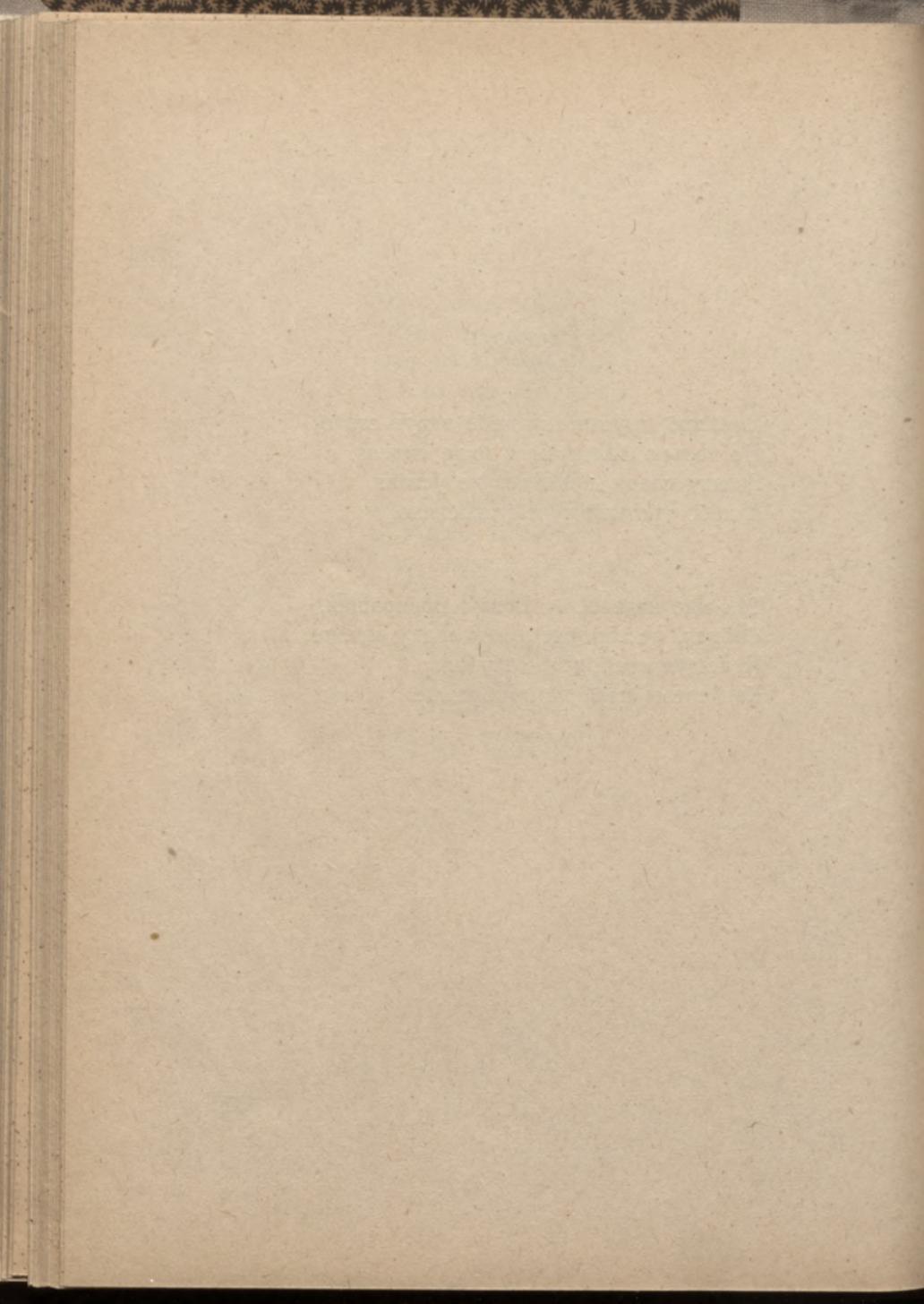
Криком ликованья
Воздух рассекла ты,
И толпой услышан
Твой восторг крылатый.

Острыми когтями
Грудь открой чужую,
И с душой красивой
В бездну голубую!

Вечером.

Не знаю, грустно ли тебе вдруг стало,
Но только долго ты в окне сидела,
Звезду следя, покамест не устала,
А небо грозной тучей тяжелело.

Так мне казалось. Ловлю прекращая,
Собрал, не торопясь, я в лодку мрежи,
И чешуя серебристо-голубая,
Как слезы пала па побережье.

Я. Меднис.

Я. Меднис род. в 1903 г.; сын хуторянина. Кончил реальное училище. Посещал университет. Перв. сборник — в 1926 г. Стихи его отличаются богатством ритмики и экспрессии.

16 мая.

Здравствуй, город, ⁵² ликующий лес знамен,
Бурный, весь радость, в зеленом мае !
В полночь глухую ты встал, нарушая свой сон;
Ринулся к славе, будничное забывая.

*

Новых времен над тобою слышен полет,
Гулкий шаг удаляется стражи ;
Идол повержен, ржавый, слепой. Тебя же, народ,
Ветер небесный, живые и даже

*

Те, что в могилах на кладбище Братском лежат,
Ныне по новой идти призывают дороге.
Ясен, широк, непреклонен да будет твой взгляд —
Ты у Судьбы на высоком пороге.

*

Труд соверши, что тебе одному присужден,
Душу свою заключая в твердыню;
Ты не покибнешь в звоне грядущих времен,
Будет душа твоя жить нерушимо отныне.

*

Здравствуй, город, знамен ликующий лес!
Новаго пульса в тебе слышу биенье;
Он зяглушен был, но не исчез,
Чувствуем все мы его от рожденья.

Воины Айвексте

песнь 1919 года.

Девять воинов вдоль по Айвексте⁵⁸ уплывали,
Солнце штыки золотило,
И от изгиба реки, вдалеке через чащи лесные
Песня войны прозвучала.
Голову поднял хозяин седую с высокого стога:
Древности ль это сказанье,
В сумерках сказано, спето в мятели, вызвано
магом,
К жизни опять пробудилось?

Путники, остановясь на дороге, слушали дали —
Все хутора ликовали:
„Это герои наши в лодках из ясеня едут,
Чтоб привезти свободу!“
Сквозь цветочную дымку войны уплывали —
Песня войны прозвучала!

Божий сад.

Божья долина цветет, убаюкана солнцем высоким.

Жарки вздохи почвы, реют фимиамы.

Божья долина полна пчелиного гуда и меда,

Блещут крылья их златисто меж деревьев.

Лес, затемненный внутри, первобытным дыханием

дышит.

Медлен ход реки, стрекозы реют звонко.

Солнце! Тебе отдал Бог вышину, указателю

сроков,

Чтобы сад земной ты в пышность обратило.

Шелест дубовый несется, дымится цветочная

жертва.

Льются тихо тени, тая незаметно.

Девы идут, заплетая венки, напевая, с пригорка:

Божья песня раздается светозарно.

Вероника Стрелерте.

Вероника Стрелерте род. в 1912 г. в Добеле. Вышло
2 книги стихов.

*Разрушение Герсики*⁵⁶.

„O, Gersika, civitas dilecta!
o, hereditas patrum meorum!“
Хроника Генриха XIII., 3.

День осенний, спокойный. На западе светят
прозрачно,
Будто куронский, чистый янтарь, облака золотые.
С замковой башни, чрез амбразуру глядя на дали,
Страж престарелый стоял и мальчик с ним
круглощёкий.
За городскими домами, кольцом окружившими
замок,

Вдаль до берега Даугавы и до лесов много-
шумных
Зелень лугов доходила и бурых полей
безмятежность.
Вдруг, выпрямляется старец, и мальчик глаза
расширяет:
В светлом изгибе реки, что в туманных лесах
затерялась,
Гордые три корабля показались, вздувая ветрила.
Медленно плыли они по реке, сверкавшей на
солнце,
Как чешуя у плотвы на боках серебристо
сверкает;
Темно-синие борозды их кормы оставляли.
„Тятя, смотри: там корабль направляется в
русскую землю;

Много на нем лошадей и людей... На плащах
ярко-белых
Красные блещут мечи и кресты“, удивляется
мальчик.
„Красны кресты от стыда, а мечи от пролитой
крови“,
Молвил сердито старик: „в край русский они
не поедут;
Замок наш очень их привлекает и властелин наш
Умный и смелый, что преграждает их тайные
ходы.
С вестью к нему поспеши: здесь люди Альберта⁵⁷
из Риги“.

*

Плотник топор оставляет, бросает бурав, кто
буравил.

Девы в золу очага выливают в испуге великом
Вкусное варево. А на опушке лесной собирали
Женщины ягоды, звонко злословя, в кувшины,
Красными платьями блеща и белыми блеща
руками.
Сразу их речи пресеклись, как в воздухе
ясном внезапно,
Звуки веселья глуша, живым затрудняя дыханье,
Вечности ветру подобно, труба боевая запела.
Жены дрожащей толпою домой убегают
поспешно
Дома закончить работы, мужей опоясать мечами

И на прощанье шепнуть им слова чародей-
ные эти,
Что охранить их способны от смерти в сра-
женьи вернее
Крепкой ограды щита. Приблизясь же к городу,
слышат
Звуки неясные: ветер вечерний им их приносит;
Слухом встревоженным, тонким женщины их
восприняли,
Глядя одна на другую, как цапли встречаясь
в болоте.
Воинов крики слышны им, сплетенные веяньем
ветра
Вместе с дыханьем коней и звоном стального
оружья.
Каждой казалось, что слышит голос любимого
мужа.

И позабыв, что корзины отягощают им руки,
И позабыв, что их ноги мчатся болотом и полем,
Силой надежды гонимы, несутся как будто
невольно.
Но не судьба им увидеть, как падали крепкие
мужи
После борьбы напряженной, медля как сосны
при рубке,
Перед воротами града на землю, политую кровью.
Не было им суждено остаться у тел еще теплых,
Смыть с них кровавые пятна и белой облечь
их рубашкой,
Сотканной из латгальского льна, блестящего ярко:

Вихрем грозным их захватила неодолимо
Пленных женщин толпа — их гнали немцы на
судна.
„Мать небесная, в этом пути будь нам опорой!“
Шепчут иные из них; другие ж, как звери в
загоне,
Красными водят очами и бранью врагов
награждают.
Только одна молчала, особым надзором хранима,
Висвальда^{ds} князя супруга. Когда ж разделились
дороги,
Голову вдруг повернула, взором печальным лаская
Гору и замок, тонувшие в сумраке вечера синем,

Где пролегал ея путь обычный, бело-песчаный;
Там опрокинутые корзины и розсыпь брусники.

*

Город затих, опустелый, в эту вечернюю пору.
Тот, кто успел убежать, скрывался в лесах
приречных,
В царстве диких зверей, что не трогают тех,
кто горюет;
Мертвые ж там лежат, где пали во время боя.
У одного открыт рот, как будто он чудо увидел;
Светло-русые волосы красит кровь у другого,

Там, прислонив могучие плечи к старому дубу,
Висвальд дружине вещал, сидевшей вокруг

него хмуро:

„В этот Дигнайский лес зачем вы меня

притащили,

Если у Герсики бьются воины наши отважно?

Честною смертью зачем не позволили мне

умереть вы?

Жизнь свою камнем тяжелым бросил бы я

охотно“.

Храбрые мужи молчали, но поднимается

старец

И говорит он отважно то, что сказать

надлежало:

„Как себе сердце твое эти слова разрешило?

Как ты подумать мог бросить народ свой

латгальский

В грозный сей час, когда враг его мучит
жестокий могучий?
Нет, не потеряно все: не мечи лишь судьбу
разрешают —
Часто важнее мечей разумный совет
властелина“.
Висвальд вскочил, погруженный в ту же
тяжелую думу.
„К Даугавы водам глубоким пойти одному
мне позвольте,
Древнюю реку спрошу, а сам разрешить не
могу я“.
Так он угрюмо сказал, и скрылся во тьме
глубокой.
Лес погрузился во мрак, и кричала в тиши
тяжелой
Резко ночная птица, и Висвальда лба касаясь,
Мышь летучая думой тайною промелькнула.

Мало по малу деревья редуют, и небо открылось
Странное, точно под утро, когда оно разовеет.
Висвальд внезапно узрел свет совсем незна-
комый,
Выбежил на берег он, как вкопанный остано-
вился:
Там, где вчера стояли стройные Герсики башни,
Тлели горелые бревна, порой поднималось
пламя,
Искр испуская фонтаны, что падали в воды
ночные,
Точно горячие слезы. „О Герсика, город
безценный,
Прадедов замок прекрасный, народ мой обижен-
ный, бедный!

Разве затем я родился, чтоб видеть твое раз-
рушенье!⁴
Висвальд стонал так от боли, лицом упавая
на землю.
Долго лежал он на мхе колючем и сером
недвижном ...
Вдруг он услышал в темном ночном отдаленьи
так ясно:
Колокола звонили, падая с колоколен,
Звоны свои выпуская как души в свободный
воздух,
Вещие звуки, казалось, разсеяли тяжесть
печали
Висвальда; легкость придав его телу и думам
печальным;
Свет загорелся в очах его, зорко во тьме про-
зревая.

„Боже, ты весть мне послал, что страшною этой
ночью
Стал я сильнее, чем прежде: вижу из белого дыма
Выше облачных гор поднялись над Герсикой
бедной
Образы новых героев, как вестники лет грядущих,
Сквозь кровавую мглу в небесных вратах исчезая.
Вы, что придете потом, как буду лежать я во
прахе,
Землю омоете эту от слез, стыда и позора.
Вы, чьи мечи слышу вперед я за много столетий,

Дали мне силу вернуться к жизни, уже мне
постылой".
Бросил он взгляд еще раз через реку, где
грустно тлели
Брусся из дубов могучих, и вышел из темного
леса.

А. Чак.

Александр Чак, настоящ. имя — Чадарайнис, род. в Риге в 1902 г. Кончил гимназию и посещал Латв. Университет. Первый сборник стихов — в 1928 г.

Утро деда.

У Даугавы на берегу, где доски
Сверкают желтые и пахнут будто мед,
И где под рыхлостью опилок
Лежит еще до лета лёд;

*

Высокий берег не пылит, поросший
Колючею и серою травой,
Сюда с дворов жестянки, тряпки свозят
Без передышки, день деньской, —

*

Мой дед живет здесь.

Встает, едва забрезжит утро;
Окно открыв, глядит в речную гладь,
Хватает жадно мгlistый воздух,
Сося из трубки благодать.

*

Как бы игрушками любуясь,
Он провожает взглядом барки
И улыбнется, если мимо
Мелькнут, белы как сахар, чайки.

*

Бормочет он, когда сквозь мост буксиром
Неправильно ведется длинный плот,
И, негодуя, старый заграничный пояс
Старик с себя тогда сорвет.

*

Потом идет он в кладовую,
Чтоб с мышеловки снять мышенка кошке,
А, возвратясь, пьет крепкий кофе
Из глиняной в рисунках кружки.

*

Когда же солнце смотрит в трубы дома,
О перерыве лесопилка взвизнет,
Идет он, отдыхает до обеда,
И ждет его свинина в супе—радость жизни.

Отрывок из поэмы:

Проповедь в Пинтенской⁶¹ церкви.

Старая и маленькая церковь
Никогда такой не знала службы
Как сегодня. Колокол, волнуясь,
Зовы шлет. Огнями звуки скачут,
Падают, безумно бьются в окна,
Двери ломают и сердца взметают.
Колоколу люди все дивятся —
Силы взял откуда? Что такое?

То на звоннице стрелок латышский
Медному служаке придал силы:

Пусть теперь несет он весть народу,
Что полковник после перехода
Трудного своих стрелков сзывает.

Люди отовсюду посмотреть стремятся,
Труд бросают и больных на ложах.
Лишь уехал пастор тайно в Ригу,
Дом его смеется, заколочен.

Наполняются сиденья в церкви:
То земгальцы в боевом наряде.
Завтра бой. И фронт у Смарде ждет их.
Пусть покажут цепкость и горячность,
А теперь хотят очистить души.

Баусский сюда же полк явился,
За плечами ад у Катринмуйже
У него в іюля первых числах.

Скорбное гудение органа:
Офицер Лукаш на нем играет,
На лице решимости улыбка.
Вспоминает он: живых или павших,
Может быть, народ, что ввергнут в гибель?

Нежные торжественные звуки
Голубиной стаею воркуют,
Будто грезят под церковным сводом.

И ковер коричневый придела
Звоны шпор проглатывает алчно —
Мечется земгальцев повелитель
Загнанным безвыходно оленем:
Проповедь приходится впервые
Молодцам своим сказать сегодня,
Бещеным волкам боев — земгальцам,
Проволок кусателям первейшим,
И гранат метателям, что плюнуть
Не боятся даже солнцу в очи.
Если истощенным оно станет.

Староста, в углу придела сидя,
Лишь дрожит и шепчет под очками:
Так же и в году девятьсот пятом
Церковь своевольно отворили.

Заскрипела резко дверь придела,
Входит Лерхе, ад'ютант дородный,
Словно печка, и в бою напорист.
— Вас, полковник, ждут уже земгальцы,
Песнь поют, какую приказали.

Резким хором песнь еще поется —
Господа в ней милость прославляют —
Как полковник вышел из придела,
Медленно на каеэдру он лезет.

Лестница скрипит под ним из досок;
Шпор жужжанье, трепеты ступенек
Поднимаются к высоким сводам.

А полковник смутен и взволнован,
Липнет волос кó лбу, губы сухи.
Тяжело ему, душа в сомненьи —
Птица так дрожит, ковыль под ветром.

Что сказать ему своей дружине,
Пылким и воинственным земгальцам,
Что еще сказать им перед битвой?
Может, завтра многих их не станет,
Только души их как пух носиться
Будут над удушливым болотом.

Носятся дыханья, испаренья . . .
На штыках глухая смерть таится,
Сапоги разносят запах дегтя.
Первый раз почувствовал полковник
Погруженье в некие пучины.

Входит он так медленно и трудно,
Что-то давит страшное на плечи.
Чует: долгие потемки рабства
На него всей тяжестью ложатся.
Только взоры, всей дружины взоры
Помогают к свету подниматься.
С каждым шагом воля непреклонней,
Шире и уверенней дыханье.

Он стоит на каедре высоко,
Будто там ему от века место.
Складка на челе. Уста сомкнуты.
Кулаки опёр на загородку,
Саблю он у алтаря поставил,

Так стоит он над своей дружиной,
И ея дыханье точно знамя —
Вся тоска народа собралася,
Вся вражда сердец и боль столетий.

Статуйей стоит он. Неподвижен.
Жаркими глазами видит ясно
В сводчатых, узорчатых окошках
Как земля латышская дымится,
Облака над нею проплывают.

.

Колко смотрит на него дружина,
Смотрит в ожиданьи, что вспорхнут вдруг
С уст слова горячие как искры.
Встрепенутся яростные ветры,
Увлекут и все поднимут силы
Жарких битв опасностям навстречу
И бездолью бедного народа.

Быстрый жар охватывает сердце,
Голову отбрасывает резко,
К алтарю он обращает взоры.
Чует: луч какой-то жалит мысли,
Разсекает гнев, сомненья, горе,
Вбрасывает прямо в бесконечность.

Свет сверкающий его об'емлет,
Поднимает руки выше солнца
И в земные недра тянет ноги.

Знает, что сказать теперь приходу,
Сердца кровь становится словами,
А слова — великой ратью духа.

„Гляньте-ка, земгальцы, на картину,
На святую, в углубленьи ниши“ —
Он показывает толстым пальцем,
И средь стен звенит трубою голос.
„Там Христос над водами шагает
И не тонет—так себе он верит,
Духу своему, своей работе.

Верьте так же, и не погрудитесь
Вы в небытие уже вторично
На уныло долгие столетия,
Силе верьте собственной, земгальцы,
Ненависти верьте и упорству,
Верьте правоте своей и счастьем“.

.....

Красноватый свет.

Некий странный свет, красноватый,
Разбудил меня как-то ночью,
Приоткрыл сквозь сон мне очи,
Некий странный свет красноватый;
И я встал и пошел без дороги,
Точно днем, ставя твердо ноги.

Руки простер я над снегами,
В длинные годы, в темные дали,
Теплые струи навстречу дышали,
Руки простер я над снегами;
Понял я, что иду стороною
Душ усопших и героев.

Кекавы боры вдали пламенели:
Там еще битва продолжалась,
Слабые пальцы сами сжались,
Текавы боры вдали пламенели.
Хорошо, что идти надлежало
По пути, где трусость дрожала.

То был март, бушевавший свирепо,
Поле смерти, боль и невзгода,
Вновь ступень испытанья народа,
То были март, бушевавший свирепо;
Неуловимым струился потоком
Ветер усопших в поле широком.

Ветер страшный, он спящих будит;
Кекаву⁶², Мису помните, люди!

В. Цедринъ.

Вилис Цедринь род. в 1914 г. Происходит из Видземе.
Первый сборник стихов: „Серебряный всадник“ вышел в
1935 г. Пишет лирич. и эпические стихи.

Под утро.

Что там бросает свет золотистый
В сумраке ночи угрюмой?
Это фонарь темный страх рассекает —
К хлеву хозяйка идет без шума.

Словно озера, лучистые очи
Скот открывает при свете;
Морду склоня, удивился теленок,
Свежий напиток заметя.

Мать между смирных проходит и гладит
Так милосердно теленка,
И молоко жужжащей пчелою
Льется в удойки звонко.

И петухи не успеют проснуться,—
Будет конец работе.
Тени от света в траве шевельнутся,—
Снова хозяйка пройдет в заботе.

Весенние дороги.

Утро сверкает и сердце тоскует —
Что же ты медлишь отправиться в путь?
Солнце зажгло вышину голубую,
Чащам шумящим уже не уснуть.

Так широки и теплы кругозоры,
Воздух так полон дыхания вод,
Манят к себе затаённые боры —
Пусть же тропа нас туда заведет!

Примем дары дорогие апреля:
Горы сверкают и ветры легли,
Звонкие крики с небес долетели —
В тучах над нами скользят журавли.

Не вопрошай, где мы кончим скитанье,
Шагом проворным последуй за мной
Мимо березовых росных мерцаний,
Где зарождается ветер сырой!

Дали блестели в инее утра ;
Видземе минов, всадник промолвил :
Милой Мары сторона, знал давно тебя, старушка,
Здесь бойцы лежат родные, тут сестрицы
вышивают.

Вихри утихли и боры застыли,
На гору в'ехал серебряный всадник.
Слез с коня и осмотрелся, долу небу улыбалось ;
Снег валил в сияньи солнца, духи здесь спра-
вляли свадьбу.

П. Айгар.

Петр Айгар, настоящее имя: Герберт Германис, род. в
1904 г. Первый сборник „Мой март“.

Земля и годы.

Как перелетные птицы,
Вечного лета желая,
Мчатся недолгие годы,
Пренебрегаячи сущим,
К будущему устремляясь,
В вечности исчезая.

Годы как птицы свободны,
Годы как пламя и ветры,
Носятся вечно по миру,
Юноши сердце тревожа,
И старика побуждая
К счастью стремиться напрасно.

Годы уходят, земля же
С дней незапамятных кружит,
Меря дорогу вокруг солнца,
С запада мчась к востоку.
Лета и долгие зимы,
Вечно сменяясь, уходят,
Ход же земли неизменен.

Други, что же нам делать —
Годы уходят потоком,
И окропляя пространство,
Иней сребристый бросают
В волосы и в сердца нам?

Как нам с судьбою бороться,
Как нам жизни поверить,
Если звенят поминутно
Ветры от звезд упдающих?

Други, коль в горе впадем мы,
Верить в грядущее будем,
И как скупцы сохраняют
Ценности в ларцах глубоких,
Веру в земное, в благое
Глубже в сердца закопаем.

Годы уходят как птицы,
Падая в тьму и туманы;
Только земля вокруг солнца
Не изменяет движенья.
Годы уйдут, но земное
Будет цвести тем, кто верит.

Вечер после дождя.

Вечер сырой и прохладный,
Тишь после страшного ливня.
Мгла поднялась над полями,
Пчел от лугов пригоняя;
И коростель заскрипел там.
Травы, цветы задышали,
Сердце дурманя и дали.

Вечер сырой и прохладный,
Тишь после страшного ливня.
Над синевой горизонта
Плавают розы заката.
Друг мой! куда-б ни пошел ты,
Всюду сквозь боры и горы
Путь твой хранят мои взоры.

Я. Тримда
Э. Адамсон
Ф. Гульбис
Зинаида Лазда

Я. Тримда, настоящ. имя: Фриц Гульбис, род. в 1908 г. Первый сборник лирики вышел в 1903 г.

Эрик Адамсон род. в 1907 г. Первый сборник „Серебряные огни“ — в 1932 г. (эпические стихи и баллады).

Фридрих Гульбис род. в 1894 г. в Дурбе. Первый сборник стихов вышел в 1929 г.

Зинаида Лазда род. в 1902 г. в Эргли. Вышло 2 сборника стихов, в которых природа порождает тонкие переживания, близкие к мистике.

Я. Тримда.

Музыка.

То грустя, то будто утешая,
В листьях липы легкий дождь лепечет —
И не знаешь, хочешь ли остаться
Иль уйти куда-нибудь далече.

В листьях липы легкий дождь лепечет,
И жужжа и шелестя так нежно —
Музыка, которую от века
Никакая скрипка не сыграт.

И не знаешь, хочешь ли остаться
Иль уйти куда-нибудь далече.
И жужжа и шелестя так нежно,
В листьях липы легкий дождь лепечет.

Э. Адамсон

Смерть деда.

Дед, который соловья звоном гусель заглушает,
Сам с собою говорит, варит пиво и мечтает:
Гусли в шкаф запру—теперь движутся колосья в
поле,
Рябчики свистят в лесу и зовут меня на волю.
Даст мне благостный Господь сладкаго вина
немножко,
Белый принесет горох и в горшке петушьи ножки.
А кукушка на суку годы медленно считает...
Сел под деревом старик и невольно засыпает.
Дремлет дед в седом бору. Гусли спят теперь в
музее,
Только щедрый соловей ярких песен не жалеет.

Ф. Гульбис.

Величественный Май.

Солнце и ветры просторы ласкают,
Миг величавый разцвета настал.
В этом великом сияющем мае
Кто разцвести бы с ним не желал.

Стебли и листья с сердцами толкуют,
В ярких очах вся трепещет душа,
И в ликованья минуту такую
Слышно, как жизнь взлетает, спеша.

Двери, сердца и все руки свободны
Все, что красиво, принять и любить.
Родина в муках творит первородных,
В снах и тревогах рвется творить

Новое, светлое, дивно благое, —
Жизнь чтобы радостью вечной была,
Чтобы сердца налились красотой
И не ходили дорогами зла.

Кто же при виде такого разцвета
Снова не станет на миг молодым,
Кто же не скажет: будь долею света,
Факелом будь, о, душа, золотым!

Солнце и ветры просторы ласкают,
Миг пробужденья великий настал!
В этом нежданном сияющем мае
Сердце — разцвета и счастья фиал.

Зинаида Лазда.

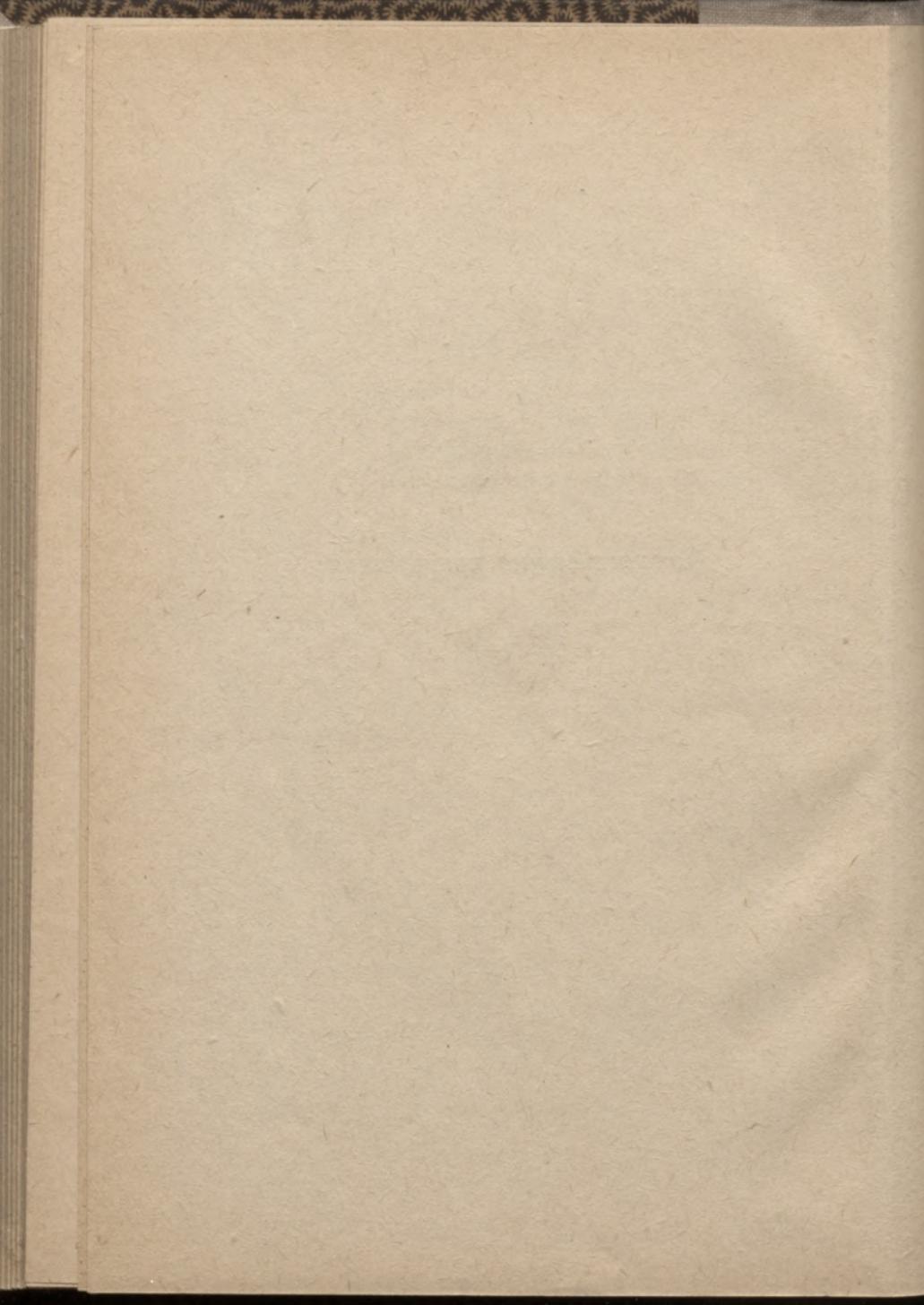
Лесные розы.

Идем глубоким бором. Тишина.
Зеленый сумрак обнимает сучья,
В опавшей хвое рыщут муравьи.
Неуловимо-нежны ощущения.
Ты дерево погладишь у тропы —
Я слышу сердца твоего биенье,
И радостны деревья, травы, мхи,
Моя душа, что отыскала друга.

Опушка открывается вдали,
С лугов несется дуновенье сена,
А там простор и неба и земли.
И ты слова впервые произносишь:

„Вгляни ка, друг, как озеро блестит
И как цветут в тиши лесные розы!
И трое наклонилось роз лесных
И дню далекому навстречу блещут.

Пояснительные примечания.

1. Перкун—божество грома и молнии, подчиненное главному богу—вершителю Судеб.
2. Потримп—божество вод.
3. Пакол—подземное божество, злое начало.
4. Антримп—божество плодородия.
5. Лиго—божество весны и веселья, в ее честь припев „лиго“ (песня в день Ивана-Купалы).
6. Пушкайтис—божество весны и растительности.
7. Аустра—утренняя заря, одна из трех дочерей солнца.
8. Лайма—определятельница судьбы, помогает роженицам и покровительствует всем живым существам (дочь солнца).
9. Тикла—божество нравственности (дочь солнца).

10. Крестonosцы, пришедшие в древнюю страну латышей.
11. Дочь Стабурага, низшее божество. Стабураг— скала и водопад на Даугаве (Двине). В слове „Даугава“, как и в других латышских словах сочетание „ау“, ввиду кратности „у“, произносится почти как „ав“ („Давгава“).
12. См. 11.
13. Лачплесис— „раздирающий медведя“.
14. Кегум— пороги на Даугаве, где сейчас построена громадная плотина.
15. Жрец.
16. Герой, вскармливаемый животным (медведицей, волчицей, как Ромул и Рем, и друг. животными)—нередко встречается в мировой народной поэзии.
17. „Запада мощные духи“—носители христианской веры.
18. Главный жрец, обитавший в священной ромовской роще.
19. Дубовая роща, где находилось главное святилище древних латышей и литовцев.

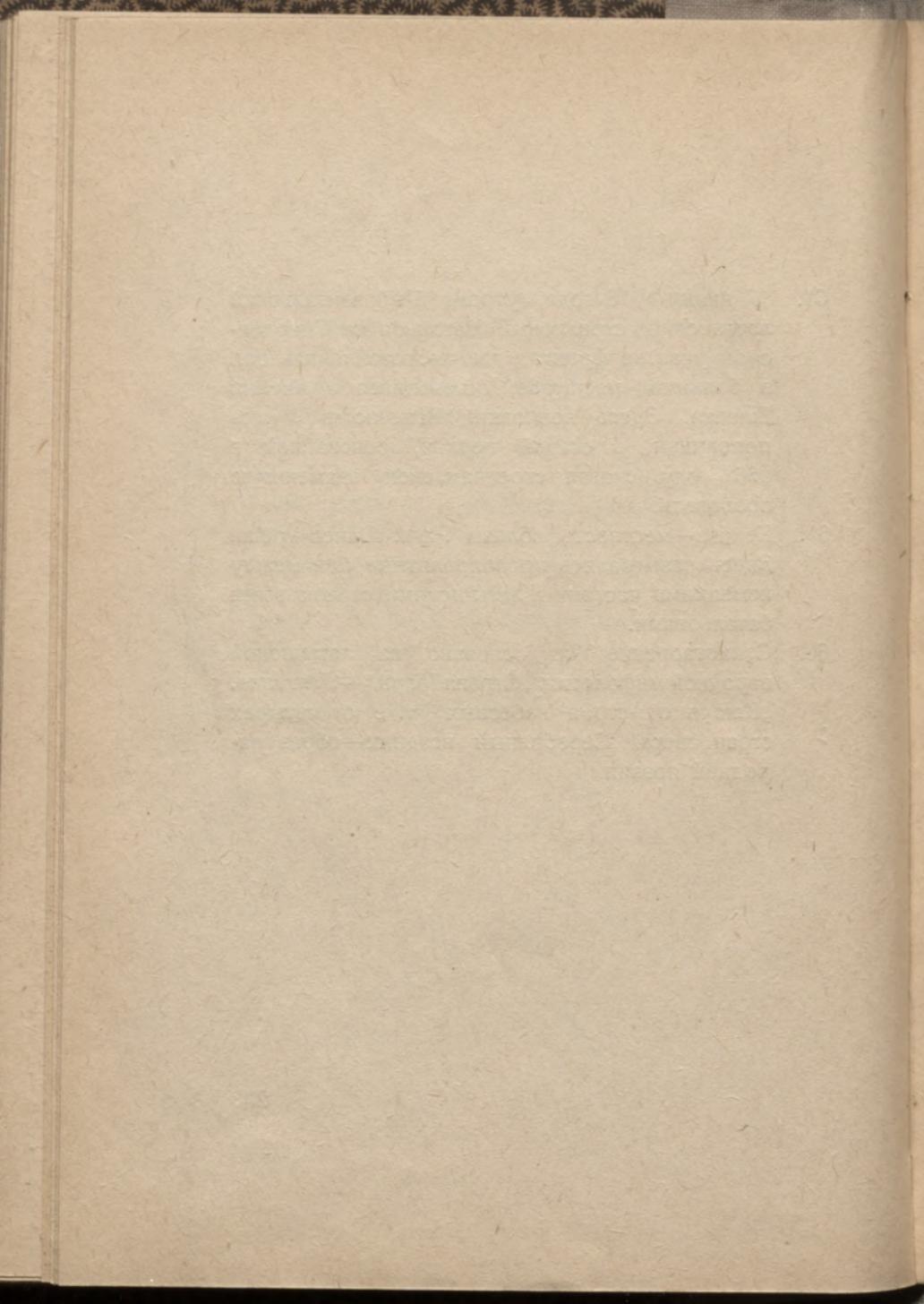
20. Буртнек—знающий письмена, духовный руководитель, мудрец.
21. Злые духи.
22. Айзрауклис—старый латышский замок на берегу Даугавы и его владелец. Теперь—имение.
23. У древних латышей был культ дракона—огнедышащего летающего змея.
24. Курляндский герцог Яков оставил по себе хорошую память в латышском народе, как заботливый и мудрый властитель.
25. Курземе—Курляндия (в древн. хрониках: Курония).
26. Место в окрестностях старой Елгавы (Митавы) с замком, построенным Растрелли. Замок поврежден во время великой войны; теперь он заново отремонтирован.

27. Колония курляндского герцогства в Тихом океане.
28. Герцог Яков покровительствовал искусству в своей столице Елгаве (Митаве).
29. Часть Латвии к югу от Рижского Взморья, с городами Елгава, Бауск, Тукум и др.
30. Виндава.
31. Река Аа Курляндская.
32. Художники, поэты, композиторы — создатели стройной пышности при дворе Людовика XIV.
33. „Король-Солнце“, т. е. Людовик XIV.
34. Композитор времен Людовика XIV.
35. См. 26.
36. Приток Аа Курляндской.
37. Озолмуйжа—„дубовая мыза“—поместье Рекке, главы заговора против герцога.

38. Рунское болото, недалеко от Елгавы.
39. Намёк на Виргилия—автора „Энеиды“.
40. Узинь—божество лошадей, пчел и пчеловодов.
41. Божество—покровительница хозяйства.
42. Образ матери—самый любимый в латышской мифологии и народных песнях. Есть „мать лесов“, „мать морей“, „мать вод“ и т. д.
43. Земгальский вождь с латинским титулом „гех“—правитель, царь.
44. Немецкий монашеский орден (дружина) крестоносцев.
45. Местность в Земгалии.
46. Замок Межотне на берегу Даугавы, не раз осаждавшийся немецкими рыцарями.
47. Защитники терветского замка, принадлежавшего Вестуру.
48. Олицетворение Иванова дня.

49. Осока, срезаемая к Иванову дню; молодежь в шутку хлещет ею друг друга в Иванов вечер.
50. Луговая трава, остро пахнущая.
51. Кокнезе — латышское название местности и замка Кокенгузен.
52. Рига после переворота 15 мая.
53. Река в Латгалии.
54. Цезис—латышское название Вендена.
55. Большое Лубанское озеро.
56. Главный город древняго латышского государства Герсики (XIII века).
57. Епископ Альберт, живший в Риге
58. Висвальд—властитель Герсики.
59. Покрывала, носившиеся женщинами.
60. Дорогая, узорная ткань.

61. 17 июля 1916 года, утром, 5-ый земгальский латышский стрелковый батальон на Смарденском участке фронта, где готовились бои в большом масштабе, остановился в имении Пиньти. Здесь полковник Вацетис в 3 часа пополудни, в старой церкви, основанной в 1662 году, сказал стрелкам свою знаменитую проповедь.
62. Кекава—местность вблизи Риги. Миса—река. Здесь разыгрались кровопролитные бои между немецкими частями и латышскими стрелковыми батальонами.
63. Стихотворение это основано на латышской народной мифологии. „Страна Мары“—Латгалия. „Ключи от стран небесных“, т. е. от четырех стран света. Серебряный всадник—образ народной поэзии.

Содержание.

	Стр.
Предисловие	5
<i>Андрей Пумпур.</i>	
Две песни из эпоса „Лачплесис“	7
<i>Эд. Вирза.</i>	
Герцог Яков, поэма	53
Из поэмы „Полевые работы“	89
Гусляр	95
Знамя	97
<i>В. Плудон.</i>	
Вестур на пути к папскому легату	101
Салгальский улов	104
<i>К. Скальбе.</i>	
Иванушка-барин	115
Невысказанные слова	120
Весною	125
Лесной покой :	126
Тени	127
Полуночное сердце	128
<i>Я. Акуратер.</i>	
Народный певец Манулис	131

	Стр.
<i>К. Екабсон.</i>	
Ночь в руинах	145
В горы	146
В полях покой	147
Все дороги	148
Синяя сирень	149
<i>К. Штрал.</i>	
Как вечер тих	153
Хищная душа	155
Вечером	157
<i>Я. Меднис.</i>	
16 мая	161
Воины Айвексте	163
Божий сад	166
<i>Вероника Стрелерте.</i>	
Разрушение Герсики	169
<i>А. Чак.</i>	
Утро деда	187
Изъ поэмы: „Проповедь в Пинтенской церкви“	190
Красноватый свет	201
<i>В. Цедринь.</i>	
Под утро	205
Весенние дороги	207
В стране Мары	209
<i>П. Айгар.</i>	
Земля и годы	213
Вечер после дождя	216

	Стр.
<i>Я. Тримда.</i>	
Музыка	219
<i>Э. Адамсон.</i>	
Смерть деда	220
<i>Ф. Гульбис.</i>	
Величественный май	221
<i>Зинаида Лазда.</i>	
Лесные розы	223
<i>Объяснительные примечания</i>	227

Поправки.

На стран. 55, 6-й стих снизу следует читать: „Он музам в Елгаве предоставлял дома“.

На стран. 56, 6-й стих сверху следует читать: „Край курземский отдать в чужое обладанье“.

На стран. 73, 5-й стих снизу след. читать: „Что курземских полей рождает кругозор“.

На стран. 121, 4-й стих сверху вместо „лисгья“ след. читать: „листья“; 4-й стих снизу вм. „юнось“ след. читать: „юность“.

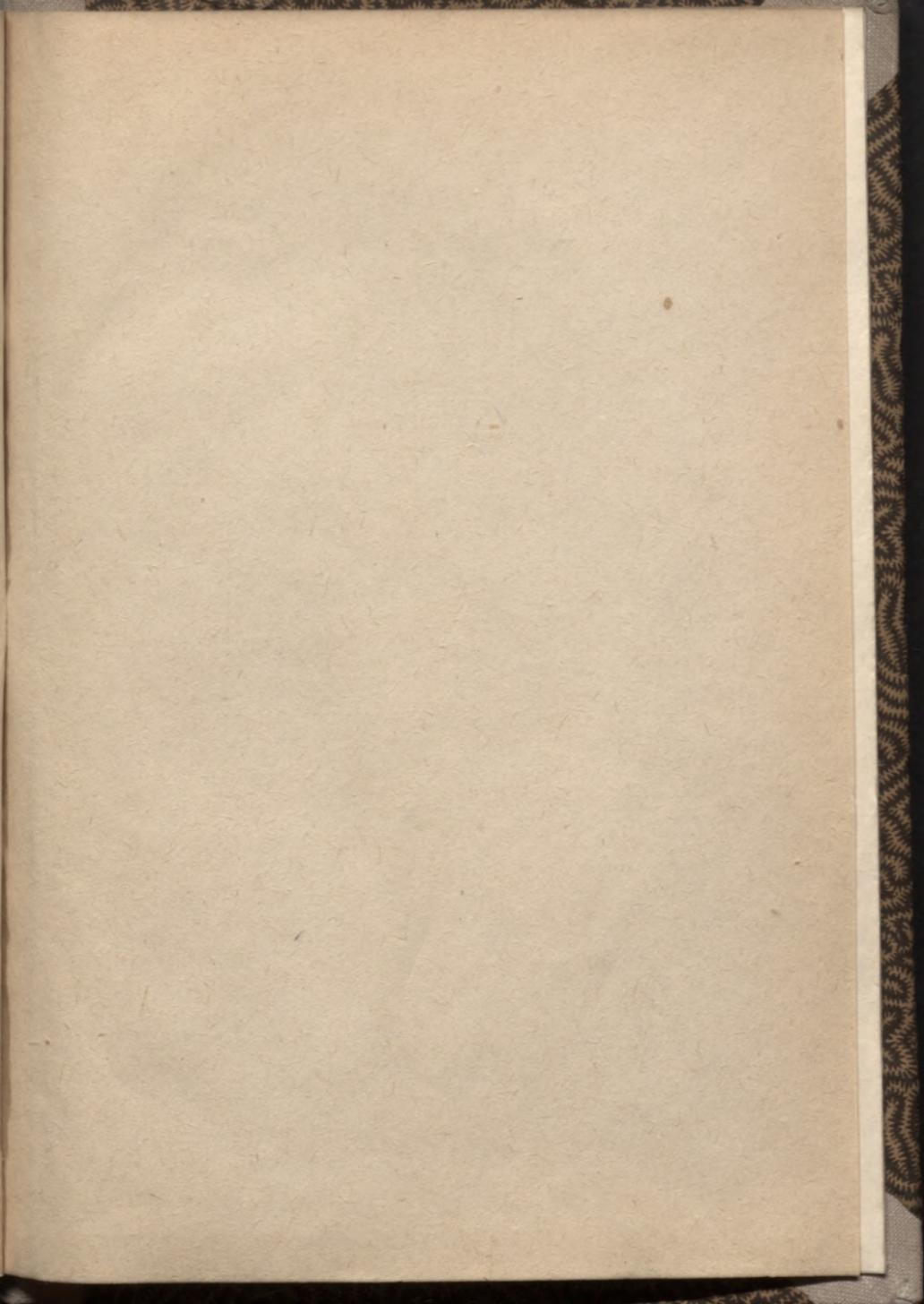
На стран. 132, 6-й стих снизу вм. „Мануля“ след. чит.: „Манула“.

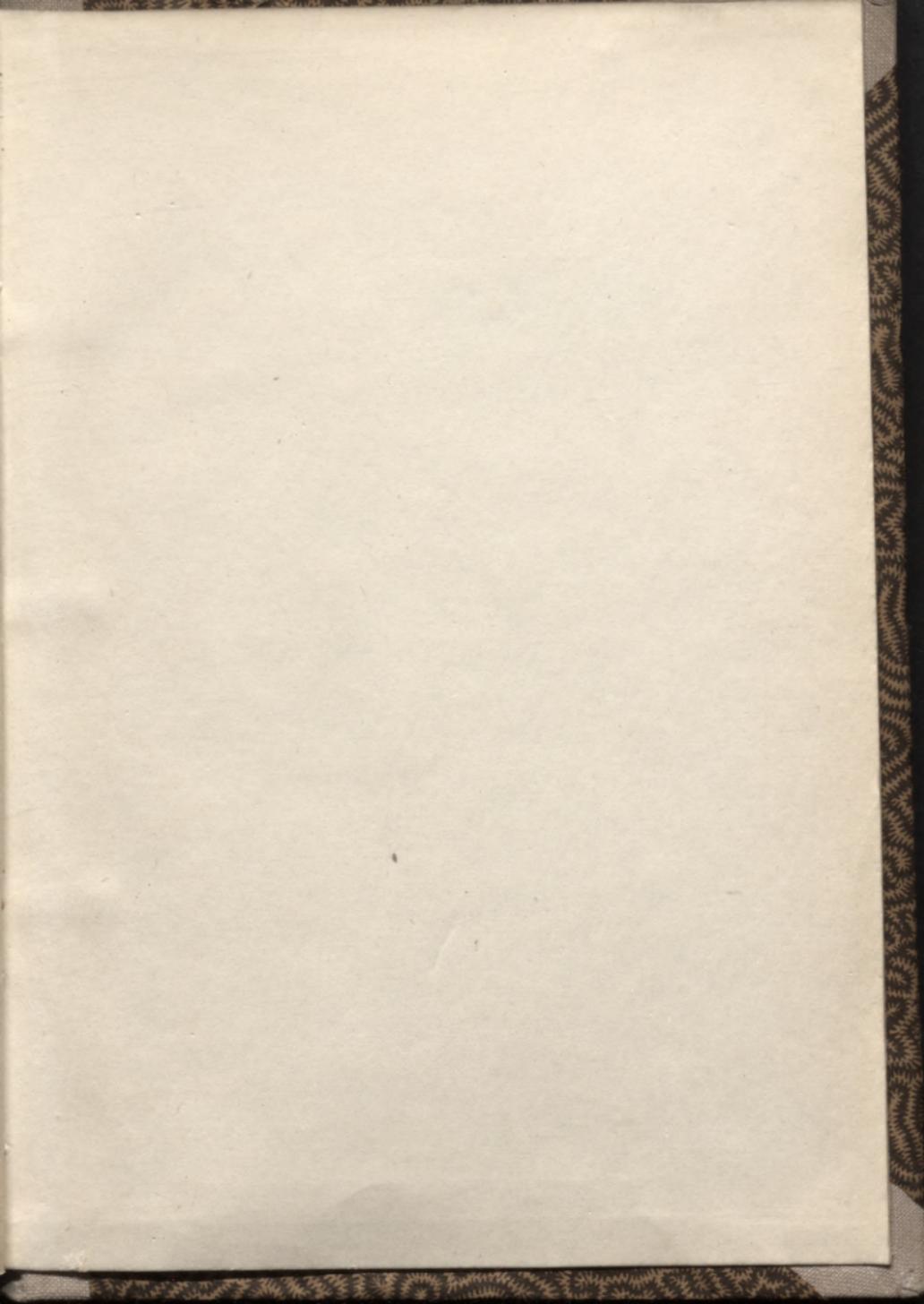
На стран. 163, 1-ый стих сверху, вм. „Айвексте“ след. чит.: „Айвексте“.

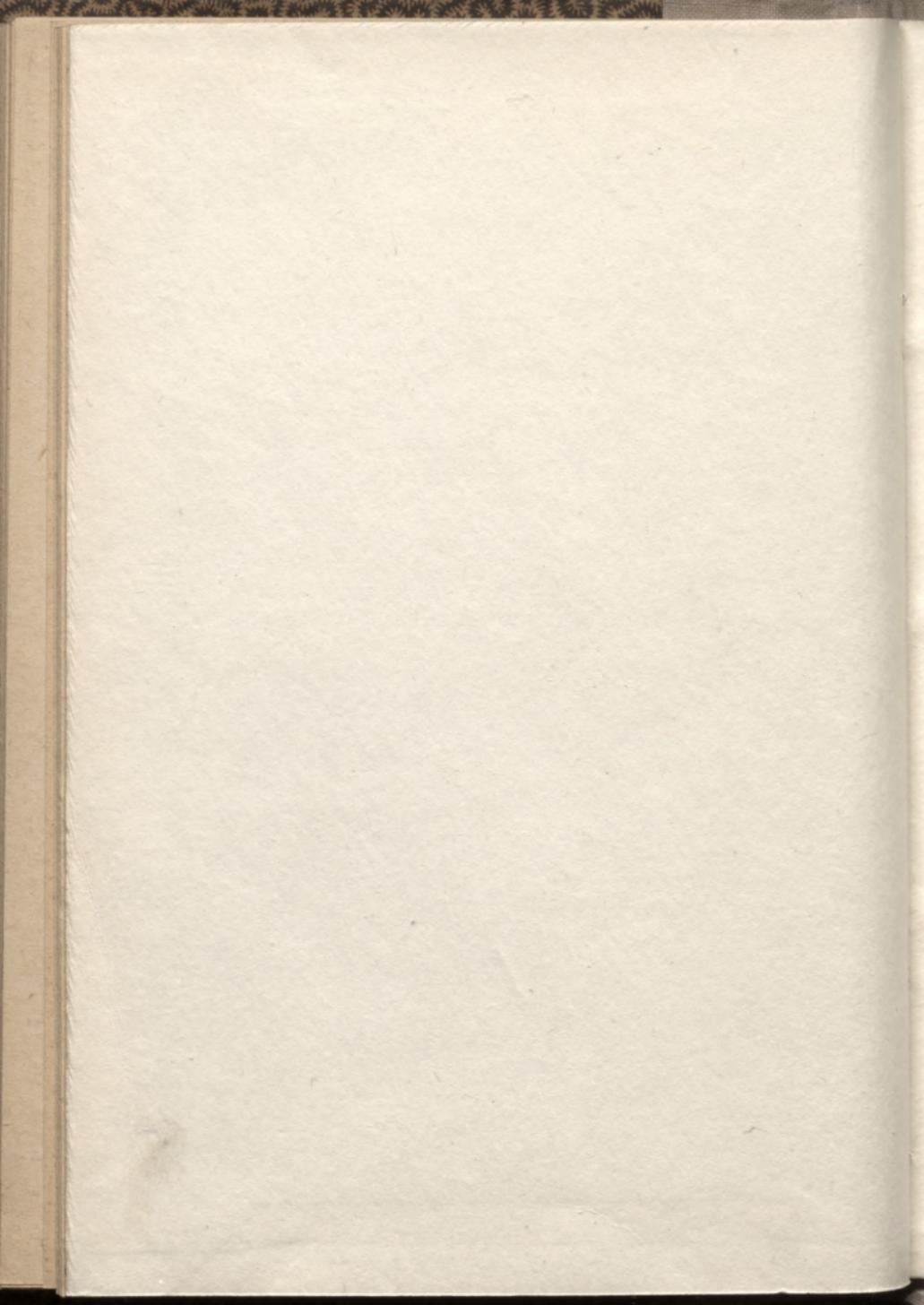
На стран. 172, 3-й стих сверху след. читать: „Женщины ягоды, звонко злословя, в большие кувшины“.

На стран. 179, 2-ой стих снизу — вместо „Как себе“... след. чит.: „Как тебе“...

На стран. 182, 3-й стих сверху — вместо „недвижной“, след. чит.: „недвижно“.

LATVIJAS NACIONĀLĀ BIBLIOTĒKA

0309037566